

Чинуа
Ачебе

Покоя больше нет Стрела бога

[романы]

Чинуа Ачебе

Покоя больше нет. Стрела бога

Серия «XX век / XXI век – The Best»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67225151

Чинуа Ачебе. Покоя больше нет; Стрела бога (сборник): АСТ; Москва;

2022

ISBN 978-5-17-122037-2

Аннотация

Драматичная история морального падения молодого африканца, прошедшего печальный путь от искреннего идеалиста с блестящим европейским образованием до циничного коррумпированного чиновника и завязтого конформиста, и его непростой любви к девушке из рода языческих жрецов. Роман погружает читателя в яркий и непривычный мир Африки второй половины XX века, где обычаи и обряды, сохранившиеся с поистине незапамятных времен, то мирно соседствуют, то вступают в трагический конфликт с современностью и прогрессом.

* * *

Трагедия совсем иного времени, в которой автор обращается к своей любимой теме разрушительного влияния европейской культуры на традиционное мироощущение африканцев. Герой романа, верховный жрец древнего языческого культа, верует истово, до фанатизма, и искренне почитает себя живым воплощением божественной силы. Однако скоро ему предстоит вступить в жестокое противостояние не только с колониальными властями и христианскими миссионерами, но и со взбунтовавшимся против отцовской воли и отцовского образа жизни любимым сыном...

Содержание

Покоя больше нет

7

Конец ознакомительного фрагмента.

156

Чинуа Ачебе

Покоя больше нет;

Стрела бога (сборник)

Chinua Achebe

NO LONGER AT EASE

ARROW OF GOD

Печатается с разрешения наследников автора и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

© Chinua Achebe, 1960, 1964, 1974

© Перевод. Е. Шукшина, 2020

© Перевод. В. Воронин, наследники, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Чинуа Ачебе (1930–2013) – нигерийский писатель, которого называли «отцом африканской литературы», лауреат Букеровской премии за вклад в мировую литературу, автор

знаменитой «Африканской трилогии». Первый роман трилогии, «Все рушится», впервые опубликованный в 1958 году, был переведен на 57 языков мира и издан суммарным тиражом более 20 000 000 экземпляров.

Покоя больше нет

Посвящается Кристи

*Мы вернулись в свои края, в наши царства, Но
прежняя жизнь совсем разладилась здесь, Кругом
чужие люди, льнущие к своим богам. Лучшие бы я
умер другой смертью.*

Т. С. Элиот «Путешествие волхвов».

Глава 1

Для этой минуты Оби Оконкво закаливал себя три или четыре недели. И когда утром он шел к скамье подсудимых, ему казалось, что он готов. В красивом легком шерстяном костюме молодой человек выглядел невозмутимым и равнодушным. Происходящее, похоже, не представляло для него особого интереса. Кроме короткого инцидента в самом начале, когда один из адвокатов получил нагоняй от судьи.

– Судебное заседание начинается в девять. Почему вы опоздали?

Всякий раз, глядя на жертву, его честь Уильям Гэллоуэй, судья верховного суда Лагоса и Южного Камеруна, буквально парализовал ее взглядом, как коллекционер обездвигивает насекомое формалином. Пригнув голову, словно упря-

мый баран, он уставился на адвоката поверх очков в золотой оправе.

– Простите, ваша честь, – произнес тот, запинаясь. – Машина сломалась по дороге.

Судья еще долго смотрел на него, а затем довольно резко сказал:

– Хорошо, мистер Адейеми. Принимаю ваше извинение. Но, должен признаться, мне смертельно надоели постоянные оправдания, связанные с транспортными проблемами.

Среди адвокатов послышался подавленный смех. Оби Оконкво улыбнулся тусклой, бледной улыбкой и опять утратил интерес к происходящему.

Все места в зале суда были заняты. Многие стояли. Об этом деле в Лагосе говорили уже несколько недель, и в последний день все, кто только мог отлучиться с работы, пришли на оглашение приговора. Некоторые государственные служащие заплатили целых десять шиллингов и шесть пенсов, чтобы получить бюллетень у врача.

Апатия Оби не исчезла, даже когда судья принялся подводить итоги. Только после слов: «Я не в силах понять, как мог так поступить молодой человек с вашим образованием и блестящими перспективами», – с подсудимым произошла внезапная заметная перемена. На глаза навернулись предательские слезы. Оби достал белый носовой платок и отер лицо, так, как оттирают пот. Он даже попытался улыбнуться и

скрыть слезы. Улыбка была бы весьма уместна. Вся эта трескотня про образование, перспективы, предательство врасплох его не застала. Оби ждал ее и репетировал сцену сотни раз, пока она не стала ему знакома, как хороший друг.

Несколько недель назад, в самом начале судебных слушаний мистер Грин, его начальник и один из свидетелей, тоже пустился в рассуждения про многообещающего молодого человека, однако это нисколько не взволновало Оби. Со всем недавно он потерял мать, Клара тоже ушла из его жизни. Эти два события, последовавшие одно за другим, притупили способность к восприятию и породили безразличие, которое позволило, не дрогнув, услышать слова «образование» и «перспективы». Но теперь, в решающий момент, его выдали предательские слезы.

С пяти часов мистер Грин играл в теннис. Это было весьма необычно. Как правило, работа отнимала у него столько времени, что на корт он выходил редко. Чаще всего моционам ему служили короткие вечерние прогулки. Но сегодня мистер Грин играл с приятелем из Британского совета. Потом они направились в бар при клубе. На белую рубашку мистер Грин надел светло-желтый свитер, на шею набросил белое полотенце. В бар набилось много европейцев, кто-то сидел на высоких табуретах, кто-то, стоя группками по двое-трое, пил холодное пиво, апельсиновый сок с мякотью или джин с тоником.

– Не понимаю, зачем он это сделал, – недоуменно произнес сотрудник Британского совета. Он водил пальцем по запотевшему стакану с ледяным пивом, отчего на стекле оставались линии.

– А я понимаю, – просто ответил мистер Грин. – Чего я не понимаю, так это почему такие люди, как вы, отказываются признавать факты. – Он славился тем, что всегда говорил то, что думает. Мистер Грин вытер покрасневшее лицо свисавшим с шеи полотенцем. – Африканец продажен до мозга костей.

Сотрудник Британского совета украдкой осмотрелся, скорее, машинально, чем по необходимости, поскольку, хотя формально клуб теперь открыли и для африканцев, они заходили сюда редко. И сейчас не было ни одного, кроме, разумеется, почти незаметных официантов. Вы могли без труда заглянуть, выпить, подписать чек, поговорить со знакомыми и уйти, даже не обратив внимания на их белую униформу. Если все шло, как обычно, вы их не видели.

– Все они продажны, – повторил мистер Грин. – Я целиком за равенство и всякое такое. Мне, например, было бы очень противно жить в Южной Африке. Но равенство не отменяет фактов.

– Каких фактов? – спросил сотрудник Британского совета, недавно приехавший в страну.

Общий гомон затих, потому что многие, не показывая этого, слушали теперь мистера Грина.

– А тех фактов, что многие столетия африканец был жертвой худшего в мире климата и всевозможных болезней. Вряд ли это его вина. Но умственно и физически он испорчен. Мы принесли ему западное образование. А какой ему от него толк? Он...

При появлении новых приятелей мистер Грин воскликнул:

- Привет, Питер! Привет, Билл!
- Привет!
- Привет!
- Можно к вам присоединиться?
- Конечно.
- Разумеется. Что будешь пить? Пиво? Правильно. Официант! Одно пиво этому джентльмену.
- Какое, сэр?
- «Хайнекен».
- Да, сэр.
- Мы говорили о том молодом человеке, который взял взятку.
- Ах, об этом.

В материковой части Лагоса Прогрессивный союз Умуофии проводил экстренное собрание. Умуофия – деревня, ибо в Восточной Нигерии и родина Оби Оконкво. Деревня не слишком большая, но жители называют ее городом. Они очень гордятся своим прошлым, когда город наводил

ужас на соседей, пока не пришел белый человек и не уравнил всех. Умуофийцы (так они именуют себя), оставившие родной город и разъехавшиеся в поисках работы по всей Нигерии, считают, что покинули родину временно. Примерно каждый второй год они приезжают домой в отпуск. Накопив достаточно денег, просят родственников дома подыскать себе жену или строят на семейном участке «цинковый» дом. И повсюду в Нигерии открывают местное отделение Прогрессивного союза Умуофии.

За последние недели Союз собирался в связи с делом Оби Оконкво несколько раз. На первом собрании некоторые высказались в том духе, что нет, мол, причин волноваться из-за неприятностей блудного сына, совсем недавно проявившего большое неуважение к Союзу.

– Мы заплатили восемьсот фунтов за его учебу в Англии, – сказал один. – А он вместо благодарности оскорбляет нас из-за какой-то дрянной девчонки. Теперь мы опять собираемся, чтобы найти для него еще денег. Куда он деваает свою большую зарплату? По моему личному мнению, мы и так уже сделали для него слишком много.

Эту точку зрения, хотя и сочли в целом верной, всерьез рассматривать не стали. Поскольку, как подчеркнул президент, сородичу в беде надо помогать, а не добивать его. Гнев на брата да войдет в плоть, но не в кость. И Союз принял решение заплатить за услуги адвоката из своих фондов.

Однако сегодня утром дело было проиграно. Поэтому и

созвали экстренное совещание. В доме президента на Мологи-стрит уже собралось множество народу, все возбужденно обсуждали приговор.

– Я знал, что дело тухлое, – заявил человек, который с самого начала возражал против вмешательства Союза. – Просто выбросили деньги. Как у нас говорят? Сколько ни бейся за бездельника, все без толку, только перемажешь голову землей и грязью.

Но его никто не поддержал. Умуофийцы были готовы сражаться до конца. Они не питали иллюзий по поводу Оби. Конечно, он дурной, своенравный молодой человек. Однако сейчас не время копаться в мелочах. Сначала нужно прогнать лису; после можно втолковать курице, чтобы та не забредала в кусты.

Насчет этого на умуофийцев можно положиться – втолкуют от души, примнут и еще добавят, так что через край полезет. Просто срам высокопоставленному чиновнику угодить в тюрьму из-за двадцати фунтов, сказал президент. И еще раз повторил, словно выплюнул: двадцати фунтов.

– Я против людей, которые жнут, где не сеяли. Но у нас есть поговорка: «Хочешь съесть жабу, так хотя бы выбери жирную и сочную».

– Все от неопытности, – заметил кто-то. – Не надо было брать самому. Другие, вон, велят тебе снести деньги бою. Оби попытался сделать то, что и все, не разузнав, как это де-

ляется.

И он напомнил притчу о крысе, которая собралась поплавать со своей подругой ящерицей, да сдохла от холода; ведь ящерица благодаря чешуе осталась сухой, а шерсть крысы промокла насквозь.

В назначенный час президент посмотрел на карманные часы и объявил, что пора открывать собрание. Все встали и совершили короткую молитву. Затем он предложил собранию три ореха кола. Самый старший участник собрания разломил один и произнес еще одну молитву:

– Тот, кто приносит орех кола, несет жизнь. Мы не хотим никому вреда, но, если кто-нибудь захочет навредить нам, да ломает он себе шею.

– Аминь, – ответствовало собрание.

– Мы странники на этой земле. Если блага ниспадут на нее, есть в них и наша доля.

– Аминь.

– Но если навалятся невзгоды, да отойдут они обитателям тех краев, где знают, как умиловить богов.

– Аминь.

– У многих городов по четыре, по пять, а то и по десять своих сыновей на европейских должностях в этом городе. У Умуофии только один. И теперь наши враги говорят, что даже этот один – слишком для нас много. Наши предки такое не одобряют.

– Аминь.

– Единственный плод пальмы не погибнет в огне.

– Аминь.

Оби Оконкво действительно был единственным плодом пальмы. Его полное имя – Обиаджулу – означало «накопец-то рассудок обрел покой». Рассудок отца, понятное дело, который, до рождения Оби приняв от жены четырех дочерей, слегка беспокоился. Обратившись в христианство и даже став преподавателем Закона Божьего, Исаак Оконкво не мог взять вторую жену. Но не такой это был человек, чтобы носить свое горе на лице. И уж мистер Оконкво никак не мог допустить, чтобы о его несчастье знали язычники. Четвертую дочь он назвал Нваньидинма – «девочка тоже хорошо». Однако в голосе не слышалось убежденности.

Старик, разломивший сейчас в Лагосе орехи кола и объявивший Оби единственным плодом пальмы, не думал о семье Оконкво. Его мысли были о древней воинственной деревне Умуофия. Лет шесть-семь назад оставившие родной дом умуофийцы создали Союз с целью сбора средств для отправки некоторых из своих наиболее способных молодых людей на учебу в Англию. Они наложили на себя немилосердную дань. Первую такую стипендию пять лет назад получил Оби Оконкво. Хотя это называлось стипендией, ее нужно было выплатить обратно. В случае Оби сумма составляла восемьсот фунтов, и их полагалось вернуть в течение пяти лет после возвращения. Умуофийцы хотели, чтобы посланец изучил право, а потом вел все их земельные дела с соседями.

ми. Но, очутившись в Англии, Оби занялся английским, он славился своим упрямством. Союз повозмущался, однако, в конце концов, оставил его в покое. Ладно, пусть не станет адвокатом, зато получит «европейскую должность» на государственной службе.

Решение, кому первому выдать стипендию, далось Союзу легко. Оби был очевидным кандидатом. В возрасте двенадцати или тринадцати лет он после шестого класса сдал экзамены лучше всех в провинции, после чего получил право учиться в одной из лучших средних школ Восточной Нигерии. Через пять лет с отличием сдал экзамены на получение аттестата зрелости по кембриджской программе – все восемь предметов. Оби действительно являлся местной знаменитостью, его имя часто звучало в миссионерской школе, где он когда-то учился. (Сегодня никто не вспоминал, как однажды Оби осрамил школу, написав во время войны письмо Адольфу Гитлеру. Директор школы тогда почти со слезами на глазах утверждал, что он стал позорищем Британской империи и, если бы был старше, его бы непременно отправили за решетку на всю его оставшуюся жалкую жизнь. Оби тогда было всего одиннадцать лет, и он отделался шестью ударами трости по ягодицам.)

Поездка Оби в Англию вызвала в Умуофии большое волнение. За несколько дней до отъезда в Лагос родители созвали дома молитвенное собрание. Председательствовал его

преподобие Сэмыюэль Икеди из англиканской церкви Святого Марка, что в Умуофии. Он заявил, что это событие является сбывшимся пророчеством: «Народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет».

Мистер Икеди говорил больше получаса, затем спросил, кто будет вести молитву. Никто не успел встать – тем более, что все сидели с закрытыми глазами, – как вызвалась Мэри, одна из самых ревностных христианок Умуофии и близкая подруга матери Оби, Ханны Оконкво. Она хотя и жила далеко от церкви – в трех милях, а то и больше, – никогда не пропускала утренние молитвы, которые пастор начинал очень рано.

И в разгар сезона дождей, и в студёный харматан Мэри непременно была в церкви. Иногда приходила на час раньше, экономя керосин, гасила лампу и устраивалась спать на длинных земляных сиденьях.

– О, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова, – завела она, – Начало и Конец. Без Тебя не сможем мы ничего. Великой реки не достанет, дабы омыть Тебе руки. У Тебя ямс, и у Тебя нож; не сможем мы ничего съесть, если Ты не отделишь нам немного. Мы подобны уткам в глазах Твоих. Детям малым подобны, что во время купания мочат только живот, оставляя спину сухой...

Мэри говорила и говорила, разматывая притчу за прит-

чей, нанизывая образ на образ, и, дойдя наконец до события, по поводу которого все собрались, остановилась на нем очень подробно, как оно того заслуживало, в числе прочего изложив историю сына своей подруги, отправлявшегося в края, где он должен завершить учебу. Когда Мэри закончила, собравшиеся принялись моргать и протирать глаза, в очередной раз привыкая к вечернему свету.

Все разместились на длинных деревянных скамьях, принесенных из школы. Перед председателем стоял небольшой столик. Сбоку от него, в школьном пиджаке и белых брюках сидел Оби.

С кухни вышли два великана, полусогнутые под весом гигантского железного котла с рисом. Позже принесли еще один котел. Потом две молодые женщины внесли кипящую кастрюлю с тушеным мясом – с пылу с жару. Затем появились еще бочонки с пальмовым вином, а также стопка тарелок и грудка ложек, хранившихся в церкви для использования прихожанами на свадьбах, крестинах и поминках.

Мистер Исаак Оконкво произнес короткую речь, предложив гостям «этот маленький кола». По меркам Умуофии Оконкво был состоятельным человеком. Двадцать пять лет он преподавал Закон Божий в миссионерском обществе и получал пенсию, составлявшую двадцать пять фунтов в год. Он первым построил в Умуофии «цинковый» дом. Поэтому все ожидали, что будет пир. Но никто не мог представить такого размаха, даже у Оконкво, который славился своей щед-

ростью, порой граничащей с неосмотрительностью. Всякий раз, когда жена корила его за расточительность, он отвечал, что человек, живущий на берегах Нигера, не станет мыть руки слюной – любимая присказка его отца. Странно, он отверг все, связанное с отцом, кроме этой единственной присказки. Может, просто забыл, что отец частенько ее повторял.

В конце праздника пастор произнес еще одну длинную речь. Он поблагодарил Оконкво за роскошный пир, такой не устраивают в наше время и на свадьбах.

Мистер Икеди приехал в Умуофию из небольшого городка и мог рассказать собравшимся, как захирели в городах свадебные застолья, с тех пор как изобрели пригласительные билеты. Многие слушатели с сомнением присвистнули, когда он сообщил, что теперь нельзя заявиться на свадьбу к соседу, если не получил одну из этих бумажек, на которых написано РЖБК («рис и жаркое в большом количестве»), что неизменно являлось преувеличением.

Затем мистер Икеди обратился к сидевшему справа от него молодому человеку.

– Прежде, – сказал он, – Умуофия потребовала бы от тебя, чтобы ты вел ее войны и приносил домой человеческие головы. Но то было время тьмы, от которой нас избавила кровь Агнца Божьего. Сегодня мы посылаем тебя за знанием. Не забывай, что началом всяческой мудрости является страх Божий. Я слышал о молодых людях из других городов, которые, уехав в страну белых людей, вместо того что-

бы посвятить себя учебе, предавались услаждению плоти. А кое-кто даже женился на белых женщинах. — Ропот собрания свидетельствовал о сильном неодобрении подобного поведения. — Тот, кто поступает так, потерян для своего народа. Он что дождь, впусую излившийся на лес. Я бы предложил тебе жениться, прежде чем ты уедешь. Но времени осталось слишком мало. Тем не менее я знаю, за тебя нам нечего бояться. Мы посылаем тебя получать знания. Удовольствие может подождать. Не торопись бросаться в мирские развлечения, как та молодая антилопа, которая дотанцевалась до паралича, не дождавшись главного танца. — Мистер Икеди еще раз поблагодарил Оконкво и гостей, принявших приглашение. — Если бы вы отказались от этого приглашения, наш брат уподобился бы царю из Священного Писания, созывавшему гостей на свадебный пир.

Как только мистер Икеди закончил говорить, Мэри затянула песню, которую женщины разучили на своем молитвенном собрании:

Не оставь меня, Иисус, жди меня,

Когда иду я на поле.

Не оставь меня, Иисус, жди меня,

Когда иду я на рынок.

Не оставь меня, Иисус, жди меня,

Когда ем я еду свою.

Не оставь меня, Иисус, жди меня,

Когда мою я тело мое.

Не оставь меня, Иисус, жди меня.
Когда уходит он в Страну Белого Человека,
Не оставь его, Иисус, жди его.

Собрание завершилось песнопением «Слава Господу, от которого исходит всякое благословение». Гости прощались с Оби, многие из них повторяли советы, которые сегодня вечером уже звучали. Односельчане жали ему руку и во время рукопожатия вдавливали в ладонь подношения, на них можно было купить карандаш, тетрадку или хлеба в дорогу. Кто шиллинг, кто пенни – нешуточное пожертвование в деревне, где деньги являлись редкостью, где мужчины и женщины вкалывали из года в год, выжимая скудное пропитание из неподатливой, истощенной земли.

Глава 2

Оби провел в Англии чуть меньше четырех лет. Иногда он не мог поверить, что так мало. Казалось, не четыре, а скорее десять. Когда приходила пора зимних напастей, страстное желание вернуться домой принимало остроту физической боли. Именно в Англии Нигерия стала для него больше, чем просто названием. Это была первая огромная заслуга Англии.

Но Нигерия, в которую Оби вернулся, во многих отношениях отличалась от того образа, что он хранил четыре года.

Кое-что он не узнавал, кое-что, например лагосские трущобы, видел впервые.

Первые сведения о Лагосе Оби получил еще маленьким мальчиком в деревне Умуофия от солдата, приехавшего домой на побывку. Солдаты были героями, они видели большой мир. Рассказывали про Абиссинию, Египет, Палестину, Бирму и так далее. Кто-то прежде слыл деревенским оболтусом, а теперь вот стал героем. У солдат мешками водились деньги, и деревенские сидели у них в ногах, слушая их рассказы. Один из таких солдат постоянно таскался на рынок в соседнюю деревню и брал, что ему заблагорассудится. Он всегда ходил в полной форме, земля трескалась у него под ногами, никто не осмеливался его и пальцем тронуть. Говорили так: заденешь солдата, будешь иметь дело с государством.

Кроме того, солдаты были сильными, как львы, — благодаря уколам, которые им кололи в армии. От одного из них Оби и получил первое представление о Лагосе.

— Там не бывает темно, — рассказывал тот своим восхищенным слушателям, — потому что по ночам электричество светит, как солнце, и люди гуляют круглые сутки, то есть те, кто хочет гулять. А не хочешь гулять, просто махни рукой, и к тебе подкатит авто.

Аудитория издавала изумленные возгласы. Затем, отклоняясь от темы, солдат продолжал:

— Завидишь белого человека, сними перед ним шляпу.

Единственное, чего он не может, это вылепить человеческое существо.

Долгие годы Лагос ассоциировался в голове у Оби с электрическим светом и автомобилями. И даже несколько дней в городе перед его отлетом в Соединенное Королевство не сильно изменили этот образ. Конечно, тогда он увидел не очень много. Мысли его были устремлены на более, так сказать, высокие материи. Пару дней Оби провел со своим «соотечественником» Джозефом Океке, служащим топографического управления. Оби и Джозеф вместе учились в Центральной миссионерской школе Умуофии. Но дальше, в среднюю школу, Джозеф не пошел, потому что был уже большой, а родители его были бедные. Он поступил в армейское училище при 82-й дивизии, а когда война закончилась, занял должность клерка на службе нигерийского правительства.

Своего удачливого друга, когда тот был проездом в Лагосе по пути в Соединенное Королевство, Джозеф встретил на лагосском автовокзале и отвез к себе в Обаленде. Квартира состояла из одной-единственной комнаты. Голубая занавеска по всей ширине отделяла «святая святых» (так Джозеф называл свою двуспальную кровать на пружинах) от гостиного уголка. Кухонная утварь, коробки и другие личные вещи были убраны под «святая святых». В гостиним уголке стояли два кресла (иначе называемые «я и моя девушка») и круглый стол, на который хозяин выложил фотоальбом. На ночь бой убирал стол и раскладывал себе на полу матрац.

Джозефу было так много о чем рассказать Оби в его первый вечер в Лагосе, что заснули они после трех. Джозеф говорил о кино, танцзалах и политических собраниях.

– Танцы – это сегодня очень важно. Не умеешь танцевать, ни одна девушка на тебя не взглянет. С Джой я познакомился в танцшколе.

– А кто такая Джой? – спросил Оби, очарованный тем, что узнавал об этом странном, греховном новом мире.

– Это была моя девушка... сколько? Дай посчитать... – Джозеф принялся загибать пальцы. – Март, апрель, май, июнь, июль... Пять месяцев. Она сшила мне эти наволочки.

Оби невольно приподнялся с подушки, на которой лежал. Он обратил на нее внимание уже раньше. На наволочке было вышито странное слово «лобызание», все буквы разных цветов.

– Славная она была, хотя порой дурная до жути. Иногда мне даже жалко, что между нами все кончено. Джой от меня просто с ума сходила. Когда мы познакомились, она была девственница, такое тут очень редко встречается.

Джозеф говорил, говорил, под конец его речь почти совсем утратила связность. Затем, безо всякой паузы, монолог перешел в громкий храп, продолжавшийся до самого утра.

На следующий день Оби неожиданно для себя отправился на вынужденную прогулку по Льюис-стрит. Джозеф привел домой женщину, ясно дав понять, что присутствие Оби нежелательно. И тот пошел осмотреться. Девушка, как Джо-

Зеф позже объяснил Оби, была одной из его последних находок – темная, высокая, с огромным накачанным бюстом под облегающим красно-желтым платьем. Губы и длинные ногти ярко-алого цвета, а брови вытянулись тонкими черными линиями. Она чем-то напоминала деревянные маски, что делают в Икот-Экпене. В общем, подруга Джозефа оставила отвратительный привкус во рту у Оби, как и цветастое слово «лобызание» на наволочке.

Через несколько лет Оби, только что вернувшись из Англии, стоял ночью у своей машины в трущобном, хотя и не самом ужасном районе Лагоса, и, поджидая Клару, которая должна была отнести ткань портнихе, вспоминал первые впечатления о городе. Он и подумать не мог, что такие места расположены бок о бок с электрическим светом и ярко наряженными девушками.

Автомобиль он припарковал у открытого ливневого стока, откуда поднимался сильный запах гниющего мяса. Это были останки собаки, которую, конечно же, переехало такси. Оби долго не мог понять, почему машины в Лагосе дают такое количество собак, пока однажды шофер, которого он нанял, чтобы тот научил его водить, не свернул с дороги специально, чтобы переехать собаку. Изумленный, шокированный, Оби спросил, зачем он это сделал.

– На удача, – ответил тот. – Собака удача новой машине. Утка другое. Задавишь утку, будет авария или убьешь чело-

век.

За стоком располагалась мясная лавка. Там не было ни мяса, ни мясника. Только какой-то человек работал за одним из столов на странной машинке. Она была похожа на швейную, но молола маис. Рядом стояла женщина и смотрела, как человек крутит машинку, чтобы помолоть ее маис.

На противоположной стороне улицы, под фонарем, замотанный в тряпки мальчишка продавал фасолевые лепешки – *акара*. Миска с *акара* стояла в пыли, сам он клевал носом. Хотя вовсе не спал, потому что, как только мимо, размахивая метлой и керосиновой лампой и поднимая за собой клубы зловония, прошел ночной уборщик улиц, мальчишка быстро вскочил и начал ругаться. Уборщик набросился на него с метлой, но мальчишка уже убежал, взгромоздив миску с *акара* на голову. Человек, моловший маис, расхохотался, следом рассмеялась и женщина. Уборщик улыбнулся и, сказав что-то очень грубое по адресу матери мальчишки, двинулся дальше.

«Вот тебе и Лагос, – думал Оби, – настоящий Лагос, который я до сих пор не мог и вообразить». В первую свою английскую зиму он написал неумелое, ностальгическое стихотворение о Нигерии. Оно, вообще-то, было не про Лагос, но этот город являлся частью хранимого им образа Нигерии.

О, какое блаженство прилечь ввечеру на траву
И, как резвые птицы и юркие мушки,

Испытать умиление и сладость восторгов.
О, блаженство, стряхнув бренность тела земного,
Подниматься в высокое небо к гармонии сфер,
А потом опуститься на ветра потоках
В нежный жар заходящего в облаке солнца.

Оби вспомнил стихотворение и, обернувшись, посмотрел на гниющий труп собаки в ливневом стоке.

– Я попробовал с ложки гниющее мясо собаки, – осклабившись, продекламировал он сквозь стиснутые зубы. – Подходит больше.

Наконец из переулка вышла Клара, и они тронулись в путь. Какое-то время ехали по узким многолюдным улицам молча.

– Не понимаю, почему ты выбрала портниху в трущобах. Клара не ответила и замурлыкала «*Che sara sara*».

На улицах теперь прибавилось народу, шуму, чего и следовало ожидать в субботу в девять часов вечера.

Через каждые несколько метров они видели танцевальные группки в одинаковых костюмах – *асо эби*. К осыпающимся домам прилепились пестрые временные навесы, освещенные яркими флуоресцентными трубками; тут праздновали помолвки, свадьбы, рождения, продвижение по службе, успех в деле или поминали престарелого родственника.

Когда они приблизились к трем барабанщикам и большой группе молодых женщин в дамасте и бархате, скользящих по талии с легкостью шарикоподшипника, Оби притормозил.

Водитель такси, ехавший сзади, нетерпеливо загудел, обогнал его и, высунувшись, прокричал:

– *Ори ода*, куда ты ездить!

– *Ори ода* – чертов болван! – огрызнулся Оби.

Почти в этот же момент дорогу переехал велосипедист. Он не обернулся, не подал никакого сигнала. Оби изо всех сил надавил на тормоза, колеса заскрежетали по асфальту. Клара слегка вскрикнула и схватила его за правую руку. Велосипедист на секунду оглянулся и помчался дальше. Свои планы на будущее он изобразил на черном багажнике велосипеда так, чтобы всем было видно, – «Будущий министр».

Переехать из материковой части Лагоса в Айкойи в субботу вечером было все равно что попасть с рынка на похороны. Огромное лагосское кладбище, разделявшее два района, лишь усиливало это ощущение. При всех своих роскошных бунгало, жилых домах, дорогостоящей зелени Айкойи напоминал погост. Здесь городская жизнь замирала, по крайней мере, для местных африканцев. Они, конечно, не всегда тут жили. Прежде район считался европейской резервацией. Но ситуация изменилась, и немногочисленным африканцам, занимавшим «европейские должности», предоставляли жилье в Айкойи. Тут обитал и Оби Оконкво, всякий раз по дороге из Лагоса домой он поражался этим двум городам в одном, которые неизменно напоминали ему крошечные ядра, разделенные тонкой перегородкой в скорлупе пальмового оре-

ха. Иногда одно ядрышко бывало блестяще черным, живым, а другое – пыльно-белым и мертвым.

– Чего ты такая мрачная?

Оби покосился на Клару, которая демонстративно уселась как можно дальше от него, прижавшись к левой двери. Та не ответила.

– Скажи, любимая, – попросил он, одной рукой взяв ее за запястье, а другой продолжая крутить руль.

– Отстань, *оджаре*, – буркнула она, выхватив руку.

Оби прекрасно знал, почему Клара такая мрачная. В своей осторожной манере, на пробу, она предложила сходить в кино. На данной стадии их отношений Клара никогда не говорила: «Пошли в кино». Она сообщала: «В «Капитоле» идет хороший фильм». Оби, которого кино интересовало мало, особенно то, какое Клара называла хорошим, после продолжительного молчания ответил:

– Ладно, если ты настаиваешь, хотя мне не хочется.

Клара не стала настаивать, но очень обиделась. И весь вечер упивалась своими эмоциями.

– Еще не поздно поехать на твой фильм, – сдаваясь или делая вид, будто сдается, сказал Оби.

– Если хочешь, можешь идти, я не пойду, – ответила Клара.

Всего три дня назад они ходили на «очень хороший фильм», который привел Оби в такое бешенство, что он вообще поднимал глаза на экран, только когда Клара шепта-

ла ему что-то в пояснение. «Этого убьют», – предсказывала она, и обреченного, конечно, тут же застреливали. Публика внизу с билетами по шиллингу шумно участвовала в этом событии.

Оби не переставало изумлять, что Кларе доставляют такое удовольствие кровавые оргии на экране. Вне стен кинотеатра мысль, скорее, забавляла его. Но, сидя в зале, он только скучал. Кларе это было прекрасно известно, и она, изо всех сил пытаясь развеять его скуку, стискивала ему руку или, прошептав что-нибудь, покусывала ухо.

– В конце концов, – иногда говорила она, – я же не ссорюсь с тобой, когда ты начинаешь читать мне свои стихи.

Что было чистой правдой. Только сегодня утром Оби позвонил ей в больницу и попросил прийти к обеду, чтобы повидаться с другом, который недавно приехал в Лагос через Энугу. Клара уже успела познакомиться с этим другом, и он ей не понравился. Она ответила в трубку, что ей не хочется опять встречаться с ним. Но Оби настаивал, и Клара сказала:

– Не понимаю, почему ты хочешь, чтобы я встречалась с людьми, с которыми я встречаться не желаю.

– А знаешь, Клара, ты поэт, – заметил Оби. – Встречаться с людьми, с которыми ты встречаться не желаешь... Чистый Т. С. Элиот.

Клара не поняла, о чем он говорит, но к обеду на встречу с другом Оби, Кристофером, приехала. Так что меньшее, что Оби мог сделать взамен, это высиживать ее «очень хорошие

фильмы», как она высидела скучный обед, во время которого Оби и Кристофер рассуждали о взяточничестве в государственном аппарате Нигерии. Всякий раз, когда Оби встречался с Кристофером, они принимались горячо спорить о будущем своей страны. Какую бы позицию ни занял Оби, Кристофер отстаивал противоположную. Он был экономистом, окончил Лондонскую школу экономики и всегда подчеркивал, что аргументы Оби игнорируют анализ фактов и научных данных, в чем нет ничего удивительного, поскольку у него диплом по английскому языку.

– Государственная служба коррумпирована из-за так называемых опытных людей в верхушке, – настаивал Оби.

– Ты не веришь в опыт? Считаешь, что юнца с университетской скамьи можно назначить постоянным секретарем?

– Я не сказал – с университетской скамьи, но даже это лучше, чем ставить на руководящие посты стариков, не обладающих интеллектуальной базой, подпирающей их опыт.

– А как насчет чиновника из департамента земельных отношений, которого посадили в прошлом году? Он был как раз с университетской скамьи.

– Исключение, – упорствовал Оби. – Да ты возьми любого из этих стариков. Скорее всего, тридцать лет назад окончил шесть классов. При помощи взяток пробился наверх. Прошел огонь, воду и медные трубы, и все взятками. Для него взятка естественна. Он их дает, и он их ждет. Ведь как у нас говорят? Платишь дань уважения тому, кто повыше, другие

будут платить дань уважения тебе, когда придет твой черед оказаться наверху. Вот что говорят старики.

– А что говорит молодежь, если можно узнать?

– Для большинства взятки – не проблема. Они сразу попадают наверх, никого не подкупая. Это не значит, что они лучше, просто могут позволить себе быть добродетельными. Хотя даже такой род добродетели входит в привычку.

– Прекрасно сказано, – согласился Кристофер, вылавливая большой кусок мяса из супа *эгуси*.

Они ели толченый ямс и суп *эгуси* руками. Второе поколение образованных нигерийцев снова стало есть толченый ямс, или *гарри*, руками – по той убедительной причине, что так вкуснее. И по другой, еще более убедительной причине: они не так боялись прослыть нецивилизованными, как первое поколение.

– Закхей! – позвала Клара.

– Да, мадама, – раздался голос из кладовки.

– Принеси еще супа.

Сначала Закхей решил не отвечать, но потом передумал и буркнул:

– Да, мадама.

Закхей был полон решимости попросить расчет, как только хозяин женится на мадам.

«Я очень люблю хозяина, но эта мадама нехороший», – таков был его вердикт.

Глава 3

Строго говоря, отношения между Оби и Кларой нельзя было назвать любовью с первого взгляда. Они познакомились на танцах, организованных лондонским отделением Национального совета Нигерии и Камеруна в ратуше Святого Панкратия. Клара пришла со студентом, которого Оби хорошо знал. Он их и познакомил. Оби сразу поразила ее красота, на танцплощадке он не сводил с нее глаз. В конце ему удалось потанцевать с Кларой. Но он так волновался, что в голову только и пришло спросить:

– Ты уже давно танцуешь?

– Нет, а что?

Оби никогда не считал себя особенно искусным танцором, но в тот вечер превзошел сам себя. За первые полминуты он умудрился наступить ей на ноги четыре раза. После чего Клара полностью сосредоточилась на том, чтобы успеть убрать ногу. Как только танец закончился, она бежала. Проводив ее до места, Оби сказал:

– Большое спасибо.

Клара кивнула, не повернув головы в его сторону.

В следующий раз молодые люди увиделись почти полтора года спустя в Хэррингтонском доке ливерпульского порта. Случилось так, что они возвращались в Нигерию в один день и на одном корабле.

Это было небольшое торговое судно с двенадцатью пассажирами и пятьюдесятью членами команды на борту. Когда Оби прибыл в порт, остальные пассажиры уже поднялись на корабль и прошли все таможенные формальности. Невысокий лысый таможенник проявил отменное дружелюбие. Он начал с того, что спросил у Оби, удачным ли оказалось его пребывание в Англии. Он учился в английском университете? И, наверное, здесь мерз?

– Под конец погода не очень меня удручала, – ответил Оби, который со временем понял, что англичанин может ворчать насчет своей погоды, однако не предполагает, что иностранец станет ему поддакивать.

Зайдя в кают-компанию и увидев Клару, он чуть не рухнул. Она беседовала с пожилой женщиной и молодым англичанином. Оби подсел к ним и представился. Пожилая женщина, которую звали миссис Райт, возвращалась во Фритаун. Молодой человек по имени Макмиллан был высокопоставленным чиновником в Северной Нигерии. Клара назвала себя мисс Океке.

– Кажется, мы встречались, – заметил Оби.

Клара посмотрела на него удивленно и чуть враждебно.

– На танцах НСНК в Лондоне.

– Понятно, – кивнула она с таким же интересом, словно ей сообщили, что они находятся на корабле в ливерпульском порту, и возобновила беседу с миссис Райт.

Судно вышло из порта в одиннадцать часов утра. Остаток дня Оби провел один, любуясь морем или читая у себя в каюте. Это было его первое морское путешествие, и он уже решил, что передвигаться так значительно лучше, чем самолетом.

На следующее утро Оби проснулся без малейших признаков пресловутой морской болезни. До того, как встали остальные пассажиры, он принял теплую ванну и прошел к поручням, чтобы посмотреть на море. Вчера вечером оно было таким мирным, а теперь превратилось в бесконечную гряду беспокойных зазубренных холмов с белыми верхушками. Оби стоял у борта почти час и дышал морским воздухом. «Отправляющиеся на кораблях в море...» – вспомнил он. И хотя в нем теперь осталось очень мало религиозности, он был растроган.

Когда прозвучал гонг на завтрак, голод у него стал таким же острым, как и утренний соленый воздух. Пассажиров рассадили накануне. В центре стоял большой стол на десять персон, окруженный еще шестью маленькими столиками на двоих. Восемь из двенадцати пассажиров уселись за центральный стол с капитаном во главе и главным инженером на противоположном конце. Оби сидел между Макмилланом и нигерийским госслужащим Стивенем Удомом. Напротив него расположился мистер Джонс, бывший кем-то там в Объединенной Африканской компании. Мистер Джонс неторопливо управился с четырьмя из пяти сытных блюд, а затем с са-

модовольной скромностью заявил официанту: «Просто кофе», – сделав ударение на «просто».

В отличие от мистера Джонса, главный инженер почти не притронулся к еде. Глядя в его лицо, можно было подумать, что ему поднесли добрую порцию английской соли, смешанной с ревенем и сульфатом магния. Он сидел, приподняв плечи и прижав руки к бокам, словно боялся, что придется спасаться бегством.

Клара сидела слева от мистера Джонса, но Оби старался не смотреть в ее сторону. Она беседовала со служащим департамента образования из Ибадана, который объяснял ей разницу между языком и диалектом.

Сначала Бискайский залив был очень спокоен, сдержан. Судно держало курс на горизонт, к светлому небу и, казалось, даже обещало солнце. Круг моря уже не сливался с небосводом, а выделялся резко, четко, подобно гигантской заасфальтированной площадке, с которой мог бы подняться в воздух Божий аэроплан. Однако с приближением вечера покой и мягкость внезапно исчезли. Лик моря исказился от гнева. У Оби слегка закружилась голова, ее словно стиснуло. За ужином он только смотрел на еду. Некоторые пассажиры вообще не пришли. Остальные ели, почти не разговаривая.

Вернувшись в каюту, Оби сразу лег на койку, но тут кто-то постучал в дверь. Он открыл. Это была Клара.

– Я заметила, что вы неважно выглядите, – сказала она на ибо, – вот, я принесла вам авомин. – И она протянула

ему пластинку с шестью белыми таблетками. — Примите две перед сном.

— Огромное спасибо. Так любезно с вашей стороны. — Оби был ошеломлен, и все заготовленные им холодность и безразличие испарились. — Но... — пролепетал он, — я не отнимаю у вас?..

— О нет. У меня хватит на всех пассажиров, выгодно иметь на борту медицинскую сестру. — Клара слабо улыбнулась. — Я только что дала такие же миссис Райт и мистеру Макмиллану. Спокойной ночи, завтра утром вам будет лучше.

Всю ночь в такт толчкам маленького кораблика, который стонал и трещал во мраке, Оби перекатывался с одной стороны кровати на другую. Он не мог ни спать, ни бодрствовать. Но каким-то образом бóльшую часть ночи мог думать о Кларе по несколько секунд зараз. Оби принял твердое решение не проявлять к ней интереса. Однако, когда открыл дверь и увидел ее, радость и смущение, надо полагать, было не скрыть. А она повела себя с ним, как с очередным пациентом. «У меня хватит на всех пассажиров. Я только что дала такие же мистеру Макмиллану и миссис Райт». Но все-таки она говорила на ибо впервые, словно подразумевая: «Мы связаны, мы говорим на одном языке». И вроде бы проявила некоторое участие.

На следующее утро Оби встал очень рано, чувствуя себя несколько лучше, но все же не сказать, чтобы по-настоящему хорошо. Команда уже надраила палубу, и он чуть не

поскользнулся на мокром дереве. Заняв свою излюбленную позицию у поручней, Оби услышал легкие женские шаги и, обернувшись, увидел Клару.

– Доброе утро, – поздоровался он, широко улыбнувшись.

– Доброе утро, – ответила она и хотела пройти мимо.

– Спасибо вам за таблетки. – Он перешел на ибо.

– Вам от них лучше? – спросила она по-английски.

– Да, намного.

– Я рада. – И Клара двинулась дальше.

Оби опять облокотился на поручни и стал смотреть на неугомонное море, которое теперь было похоже на чащобу – тревожную, вздыбленную, переменчивую. Впервые с тех пор, как они вышли из Ливерпуля, море можно было назвать по-настоящему синим; синеву без оттенка олова подчеркивали сверкающие белые вершины бесчисленных небольших волн; они сталкивались, набрасывались друг на друга. Оби услышал быстрые, тяжелые шаги, а потом кто-то упал. Это оказался Макмиллан.

– Мне жаль, – сказал Оби.

– О, это ерунда, – ответил тот, глупо смеясь и отряхивая мокрые на ягодицах брюки.

– Я сам чуть не упал.

– Осторожнее, мисс Океке! – воскликнул Макмиллан, когда опять появилась Клара. – Такая подлая палуба, я только что упал. – Он все еще тер себе брюки.

– Капитан сказал, завтра пристанем к острову, – сообщила

Клара.

– Да, Мадейра, – кивнул Макмиллан. – Завтра вечером, думаю.

– Самое время, нечего сказать, – улыбнулся Оби.

– Вы не любите море?

– Люблю, но после пяти дней хочется перемен.

Оби Оконкво и Макмиллан неожиданно подружились – с той секунды, как Макмиллан упал на мокрой палубе. Очень скоро они уже играли вместе в пинг-понг и угощали друг друга напитками.

– Что вы хотите, мистер Оконкво? – спрашивал Макмиллан.

– Пива, пожалуйста. Становится жарко. – Оби провел большим пальцем по лбу, смахнув пот.

– С ума сойти, правда? – улыбнулся Макмиллан, дую себе на грудь. – Как, кстати, ваше имя? Я Джон.

– Оби.

– Оби – какое чудесное имя. А что оно означает? Мне рассказывали, все африканские имена что-то означают.

– Ну, насчет африканских имен не знаю, а имена ибо – да. Часто это целые предложения. Как тот пророк в Библии, который назвал своего сына «Остаток обратится»¹.

– Что вы изучали в Англии?

– Английский. Почему вы спрашиваете?

¹ Имеется в виду пророк Исаия и его сын Шеар-Ясув. (Здесь и далее прим. пер.)

– О, просто интересно. А сколько вам лет? Простите мое любопытство.

– Двадцать пять, – ответил Оби. – А вам?

– Это в самом деле странно, потому что и мне двадцать пять. А как вы думаете, сколько лет мисс Океке?

– Женщины и музыка не имеют возраста, – улыбнулся Оби. – Я бы сказал, двадцать три.

– Она очень красива, вам не кажется?

– О да, очень.

Мадейра была уже совсем близко, часа два ходу, сказал кто-то. Все столпились у поручней, угощая друг друга напитками. Мистера Джонса вдруг увлекла поэтическая волна.

– «Кругом вода, но не испить ни капли, ни глотка»², – декламировал он и перешел на прозу: – Сколько воды! Какое расточительство!

Оби вдруг стало ясно, что так оно и есть. Какое расточительство! Толика Атлантики превратила бы Сахару в цветущий травяной луг. Такие дела в этом лучшем из миров. Где-то полным-полно, а где-то ни шиша.

На закате корабль бросил якорь в Фуншале. Подплыла крохотная лодка, в которой сидели юноша на веслах и двое мальчишек. Младшему никак не больше десяти, другой, может, на пару лет постарше. Они вызвались нырять за деньгами. Тут же с верхней палубы в море полетели монеты. Маль-

² Кольридж С. Т. Сказание о старом мореходе.

чишки выловили их все до одной. Стивен Удом бросил пенни. Ныряльщики не пошевелились, заявив, что за пенни не ныряют. Все рассмеялись.

После захода солнца неровные холмы Фуншала, его зеленые деревья, белые стены и красные крыши домов производили впечатление заколдованного острова. После ужина Макмиллан, Оби и Клара вместе сошли на берег. Они гуляли по улицам, мощенным каменной брусчаткой, мимо чудных выстроившихся в очередь такси. Прошли мимо телеги, которую тащили за собой два вола. Это была просто плоская доска на колесах, на ней сидел человек и лежал какой-то мешок. Они заглядывали в маленькие садики и скверы.

– Город садов! – воскликнула Клара.

Примерно через час друзья опять вышли к воде, уселись под огромным красно-зеленым зонтом и заказали кофе и вино. К ним приблизился человек, продававший почтовые открытки. Потом он подсел к ним, чтобы рассказать о вине Мадейры. Торговец знал совсем немного английских слов, но не оставил у слушателей никаких сомнений относительно содержания своих речей.

– Вино Лас-Пальмас и вино Италия – голая вода. Вино Мадейра – два глаза – четыре глаза.

Они рассмеялись и торговец тоже. Затем он продал Макмиллану безвкусные безделушки, которые, как все прекрасно понимали, потускнеют, прежде чем доберутся до корабля.

– Вашей девушке такое вряд ли понравится, мистер Мак-

миллан, — заметила Клара.

— Это для жены моего дворецкого, — объяснил тот и добавил: — Ненавижу, когда меня зовут мистер Макмиллан. Чувствую себя таким старым.

— Простите, — смутилась Клара. — Вы Джон, не так ли? Вы Оби. А я Клара.

В десять часов они собрались уходить, поскольку корабль отплывал в одиннадцать, по крайней мере, так сказал капитан. Макмиллан обнаружил, что у него осталось несколько португальских монет, и заказал еще бокал вина, который разделил с Оби. Когда они возвращались на корабль, Макмиллан держал Клару под руку справа, а Оби — слева.

Остальные пассажиры еще не вернулись, и корабль казался заброшенным. Они облокотились на перила и стали говорить о Фуншале. Вскоре Макмиллан заявил, что ему надо написать важное письмо домой.

— Увидимся утром, — попрощался он.

— Думаю, я тоже пойду писать письма, — сказала Клара.

— В Англию? — спросил Оби.

— Нет, в Нигерию.

— Тогда не торопитесь. В Нигерию вы сможете отправить их только из Фритауна. Так говорят.

Они услышали, как хлопнула дверь каюты Макмиллана. Их глаза на мгновение встретились, и, не говоря ни слова, Оби заключил Клару в объятия. Он целовал, целовал ее, а она дрожала.

– Пусти меня, – шептала она.

– Я люблю тебя.

Клара молчала, казалось, разомлев в его объятиях, а потом вдруг сказала:

– Нет, не любишь. Это была просто глупость. Завтра ты обо всем забудешь. – Она посмотрела на него и страстно поцеловала. – Знаю, утром я себя возненавижу. Не любишь... Пусти, кто-то идет.

Это была миссис Райт, африканская леди из Фритауна.

– Вы уже вернулись? – спросила она. – А где остальные? Я так и не смогла уснуть.

И миссис Райт поведала о своих проблемах с пищеварением.

Глава 4

В отличие от почтовых пароходов, которые заходили в док Лагоса в определенные дни недели, торговые суда были совершенно непредсказуемы. И когда пришвартовалось морское судно «Саса», Атлантический терминал пустовал. В день прибытия почтового судна красивый, просторный зал ожидания пестрел бы от ярко разодетых друзей и родственников, ожидающих корабль и потягивающих ледяное пиво, кока-колу или жующих сдобные булочки. Иногда в стороне стояли небольшие группки, томившиеся в печальном молчании. В таких случаях вы могли биться об заклад, что сын в

Англии женился на белой женщине.

Корабль «Саса» никто не ждал, и мистер Стивен Удом заметно погрузстнел. Как только показался Лагос, он удалился в свою каюту и через полчаса вышел в черном костюме, котелке и с зонтиком, хотя был жаркий октябрьский день.

Таможенные формальности потребовали здесь в три раза больше времени, чем в Ливерпуле, и в пять раз больше таможенников. Молодой человек, почти еще мальчик, зашел в каюту к Оби и заявил, что пошлина на радиолу составляет пять фунтов.

– Хорошо, – кивнул тот, ощупывая набедренные карманы. – Выпишите мне квитанцию.

Мальчик, и не думая ничего писать, внимательно посмотрел на Оби и сказал:

– Я могу снизить тебе до два фунты.

– Как это? – удивился Оби.

– Я снизить, но нет квитанций официально.

Оби потерял дар речи. А потом просто покачал головой:

– Не глупи. Если бы здесь был полицейский, я бы тебя сдал.

Парень вылетел из каюты, не произнеся больше ни слова. Позднее Оби увидел его возле других пассажиров.

«Старая добрая Нигерия», – сказал он себе, ожидая, пока к нему в каюту явится другой чиновник. Наконец, когда всех остальных пассажиров уже обслужили, к нему пришли.

Если бы Оби приплыл почтовым судном, Прогрессивный союз Умуофии (его Лагосское отделение) устроил бы ему в порту пышную встречу. И все-таки на собрании было принято решение организовать большой прием с привлечением репортеров и фотографов.

Приглашение направили также Нигерийскому радио, чтобы, воспользовавшись случаем, записать женский хор Умуофии, который разучил много новых песен.

Прием состоялся в субботу в четыре часа дня на Молони-стрит, где у президента была двухкомнатная квартира.

Все, как подобает, облачились в *агбада* или в европейские костюмы, кроме почетного гостя, который по причине жары явился в одной рубашке. Это была первая ошибка Оби. Все ожидали, что молодой человек, вернувшийся из Англии, оденется поэффектнее.

После молитв секретарь Союза зачитал приветствие. Он встал, прочистил горло и начал произносить текст, написанный на огромном листе бумаги:

– Приветственное обращение служащих и членов Прогрессивного союза Умуофии Майклу Оби Оконкво, бакалавру искусств, прошедшему дополнительное обучение в Лондоне, по случаю его возвращения из Объединенного Королевства, куда он ездил в поисках золотого руна.

Сэр, мы, служащие и члены вышеупомянутого Союза, со смирением и благодарностью передаем вам эту дань нашего признания вашей беспримерной блестящей учености...

Он говорил о великой чести, которую Оби оказал древнему городу. Отныне Умуофия включена в союз других городов, шествующих к политическому ирредентизму, социальному равенству и экономической эмансипации.

— Нет нужды доказывать, как важно, чтобы один из наших сынов находился в авангарде этого прогрессивного движения. Народ говорит: «Наше — это наше, а мое — это мое». В нынешнюю судьбоносную эпоху, в ходе нашей политической эволюции все города и деревни соревнуются, кто скорее получит то, о чем можно сказать «мое». Мы счастливы тем, что сегодня в лице нашего выдающегося сына и почетного гостя у нас имеется такая драгоценность.

Оратор изложил историю умуофийских стипендий, позволивших Оби получить образование на чужбине, назвав их вложением, которое принесет огромные дивиденды. Затем сослался (разумеется, намеками) на установление, согласно которому бенефициар должен выплатить заем в течение четырех лет, «чтобы не иссякал поток учащихся, имеющих возможность испытать из кастальского ключа знаний».

Излишне говорить, что слова приветствия часто прерывались возгласами и аплодисментами. «Какой умный молодой человек у нас секретарь, — говорили все. — Сам заслуживает поездки в Англию». Английский язык составленного им приветствия восхитил людей, даже если не все его поняли: такой язык заполняет рот, как сушеное мясо из поговорки. Английский же Оби не произвел никакого впечатления.

Он говорил «стал», «был». Рассуждал о ценности образования. «Образование ради служения, не ради легкой работы и высокого жалования. Когда наша великая страна стоит на пороге независимости, нам нужны люди, которые будут верно и достойно служить ей».

Когда Оби сел, публика похлопала из вежливости. Ошибка номер два.

Затем последовало угощение – холодное пиво, минеральная вода, пальмовое вино и печенье, и вскоре женщины запели про Умуофию и про Оби *нва джесу ойибо* – Оби, побывавшего в стране белых. В припеве повторялось, что сила леопарда в его когтях.

– Они уже дали вам работу? – спросил председатель у Оби, перекрывая музыку.

В Нигерии правительство были «они». «Они» не имели ничего общего с тобой или со мной. «Они» были чужеродным институтом, а задача человека состояла в том, чтобы не иметь с «ними» ничего общего, избегая при этом неприятностей.

– Пока нет. Иду на собеседование в понедельник.

– Ну, конечно, у таких, как вы, кто обладает знаниями, проблем не возникнет, – сказал вице-президент, сидевший слева от Оби. – В противном случае я бы предложил сначала кое-кого из них повидать.

– Нет необходимости, – заметил президент, – ведь в основном это белые.

– А вы полагаете, белые не едят с руки? Заходите к нам в департамент. Они сегодня кушают еще больше, чем черные.

После приема Джозеф повел Оби поужинать в «Пальмовую рощу», небольшое симпатичное заведение, не переполненное в субботний вечер, когда лагосцы предпочитают более активные виды развлечений. В зале было не очень много людей – десяток европейцев и три африканца.

– Кто тут хозяин?

– По-моему, сириец. Они всем владеют в Лагосе, – ответил Джозеф.

Друзья заняли один из простых столов в углу, но, заметив, что оказались под потолочным вентилятором, пересели. От больших шаров, вокруг которых бешено плясали насекомые, исходил мягкий свет. Возможно, насекомые не видели, что в каждом шаре накопилось огромное количество маленьких тел, которые, подобно им, когда-то тут плясали. А если и видели, то не обращали на это внимания.

– Официант! – важно позвал Джозеф, и появился официант в белой подпоясанной тунике, белых брюках и красной феске. – Что будешь? – обратился Джозеф к Оби.

Официант склонился в ожидании.

– Честно говоря, я больше не хочу пить.

– Глупости. Время детское. Принеси холодного пива, – велел Джозеф официанту. – Два «Хайнекена».

– Одного хватит. Разделим.

– Два «Хайнекена», – повторил Джозеф, и официант, пройдя к стойке, вскоре вернулся с двумя бутылками на подносе.

– Здесь подают нигерийскую еду?

Джозеф удивился вопросу. Ни в одном приличном ресторане ее не подавали.

– Ты хочешь нигерийскую еду?

– Ну да. До смерти хочется толченого ямса и супа из вероники. В Англии мы делали из манки, но это не одно и то же.

– Я попрошу своего боя приготовить тебе толченый ямс завтра вечером.

– Ты чудо! – откликнулся Оби, заметно оживившись, а затем, с оглядкой на группу европейцев, сидевших за соседним столом, добавил по-английски: – Мне до смерти надоела кипяченая картошка.

Он надеялся, что, назвав картошку «кипяченной», вложил в это слово все испытываемое им отвращение.

Белая рука схватила сзади его стул. Оби быстро обернулся и увидел, что это старая хозяйка опирается на стулья, помогая некрепким ногам. Ей было хорошо за семьдесят, если не все восемьдесят. Она, спотыкаясь, прошла по залу за стойку, потом опять появилась со стаканом молока в трясущихся руках.

– Кто бросил сюда эту тряпку? – спросила она, указав дрожащим пальцем на желтый коврик на полу.

– Не знаю, – ответил официант.

– Убрать! – прокаркала хозяйка.

Указание стоило ей таких усилий, что она забыла о стакане. Тот накренился в нетвердой руке, и молоко пролилось на симпатичное платье в цветочек. Хозяйка прошла к креслу в углу и со стоном, кряхтением утонула в нем, как старая машина, заржавевшая от долгого стояния под дождем. Вероятно, то был ее любимый угол, поскольку прямо над головой висела клетка с попугаем. Как только хозяйка села, попугай вылез из клетки на выступающую жердочку, опустил хвост и исторг нечистоты, упавшие в десятой части дюйма от пожилой дамы. Оби чуть приподнялся с места, чтобы увидеть грязь на полу. Но ее не было. Прекрасная организация. Возле стула старой леди стоял поднос, почти полный экскрементов.

– Не думаю, что тут хозяин сириец, – сказал Оби. – Она англичанка.

Друзьям принесли разные виды жаренного на гриле мяса, не такого уж и плохого, должен был признать Оби. Но он все продолжал недоумевать, почему Джозеф не пригласил его к себе, о чем Оби просил перед отъездом из Англии. Вместо этого Прогрессивный союз Умуофии за свой счет снял для него номер в не очень хорошем отеле на окраине Ябы, владельцем которого был нигериец.

– Ты получил мое последнее письмо из Англии?

Джозеф подтвердил, что получил. А получив, поговорил с исполнительным секретарем ПСУ, после чего они решили поселить Оби, как полагается, в гостиницу. Джозеф словно

прочитал мысли друга:

– Знаешь, у меня ведь всего одна комната.

– Ерунда, – улыбнулся Оби. – Завтра утром я съезжаю из этого грязного отеля и перебираюсь к тебе.

Джозеф удивился, но обрадовался. Он попытался придумать еще какую-нибудь отговорку, но было понятно, что сердце его в этом не участвует.

– Что скажут люди из других городов, когда узнают, что сын Умуофии, вернувшись из Англии, делит с другом одну комнату в Обаленде?

– Пусть говорят, что хотят.

Какое-то время они ели молча, потом Оби произнес:

– Нашему народу предстоит еще долгий путь.

Одновременно что-то начал говорить Джозеф, но осекся.

– Да, ты что-то хотел сказать?

– Я сказал, что верю в судьбу.

– Правда? Почему?

– Помнишь, мистер Анене, наш школьный учитель, часто говорил, что ты обязательно поедешь в Англию. Ты был тогда совсем маленький, у тебя вечно текло из носа, и тем не менее в конце каждой четверти ты оказывался лучшим в классе. Помнишь, мы называли тебя «энциклопедией»?

Оби сильно смутился, потому что Джозеф теперь чуть не кричал.

– Если честно, из носа у меня течет до сих пор. Говорят, аллергия на пыльцу.

– А потом, – продолжил Джозеф, – ты написал письмо Гитлеру.

Оби громко рассмеялся, что случалось редко.

– Сам не понимаю, что на меня нашло. До сих пор иногда об этом думаю. Что мне Гитлер, а я ему? Наверное, мне стало его жаль. И мне не нравилось каждый день лазить в кусты и собирать там копру в духе нашей «мобилизационной стратегии». – Оби вдруг посерьезнел. – Если подумать, было безнравственно со стороны директора что ни утро твердить маленьким детям, что каждый принесенный ими орех – это гвоздь в гроб Гитлера.

Из зала со столиками они вернулись в холл. Джозеф хотел заказать еще пива, но Оби решительно отказался.

С его места Оби были видны машины, проезжающие по Брод-стрит. Прямо у входа остановился длинный «Де Сото», и в зал вошел молодой красивый мужчина. Все обернулись на него, и помещение заполнилось шепотом – посетители извещали соседей, что прибыл государственный министр.

– Это чтимый Сэм Околи, – пояснил Джозеф.

Но Оби сидел, будто громом пораженный, и не сводил глаз с погруженного в полумрак «Де Сото».

Досточтимый Сэм Околи был одним из известнейших политиков Лагоса и Восточной Нигерии, где располагался его избирательный округ. Газеты называли его самым элегантным мужчиной Лагоса и самым завидным женихом. Хотя ему было, несомненно, за тридцать, он казался юношей со

школьной скамьи: высок, крепко сложен, с ослепительной улыбкой для всех. Околи прошел к стойке и купил коробку «Чёрчменс». Все это время взгляд Оби был устремлен на улицу, где в «Де Сото», развалившись, сидела Клара. Он видел ее лишь мгновение. Может, это вообще не она. Министр вернулся к машине, и, когда открыл дверь, бледный свет салона опять упал на плюшевые сиденья. Теперь никаких сомнений быть не могло. Это Клара.

– Что случилось?

– Ничего. Я знаю эту девушку.

– По Англии?

Оби кивнул.

– Старый добрый Сэм! Он их не щадит.

Глава 5

Теория Оби о том, что сфера государственной службы в Нигерии так и останется коррумпированной, пока старых африканцев наверху не сменят молодые из университетов, была впервые сформулирована в документе, зачитанном им лондонскому Нигерийскому студенческому союзу. Но в отличие от большинства теорий, которые выстраивали студенты, обучающиеся в Лондоне, эта после первых домашних впечатлений уцелела. Более того, за месяц, прошедший с момента его возвращения, Оби столкнулся с двумя классическими образчиками старых африканцев.

Первый повстречался ему на комиссии по вопросам государственной службы, где с ним беседовали, прежде чем дать работу. К счастью для Оби, до того, как этот человек вывел его из себя, он уже произвел на членов комиссии благоприятное впечатление.

Выяснилось, что председатель комиссии, тучный жизнерадостный англичанин, очень интересовался современной литературой и с удовольствием говорил о ней. Остальные четыре члена комиссии – один европеец и трое африканцев, не имевшие ни малейшего представления об этой стороне жизни, – были под впечатлением. Хотя, точнее, трое, поскольку четвертый весь разговор проспал, что на первый взгляд могло показаться совершенно неважным, не будь сей джентльмен единственным представителем одной из трех провинций Нигерии. (В интересах единства страны мы не назовем, какой именно.)

В беседе, длившейся почти полчаса, председатель и Оби затронули широкий спектр тем – от Грэма Грина до Тутуо-лы. Оби потом признался, что нес полную чепуху, но чепуху ученую и внушительную. Он и сам удивился, когда его понесло.

– Вы говорите, что являетесь большим поклонником Грэма Грина. Что вы думаете о «Сути дела»?

– Единственный разумный роман, написанный европейцем о Западной Африке, и один из лучших прочитанных мной романов. – Оби сделал паузу, а затем добавил, будто

это только что пришло ему в голову: – Правда, чуть не смазан счастливым концом.

Председатель выпрямился на стуле.

– Счастливым концом? Вы точно имеете в виду «Суть дела»? Там европейский полицейский совершает самоубийство.

– Возможно, «счастливый конец» – слишком сильно сказано, но я не могу выразиться иначе. Полицейский чиновник разрывается между любовью к женщине и любовью к Богу и совершает самоубийство. Слишком просто. Трагедия вовсе не в этом. У нас в деревне был один старик, он принял христианство, и на него беды стали валиться одна за другой. Так он говорил, что жизнь похожа на миску с червивой едой, из которой человек хлебает ныне и присно и во веки веков. Вот он понимал природу трагедии.

– Вы полагаете, самоубийство противоречит трагедии? – спросил председатель.

– Да. Истинная трагедия не имеет решения. Она длится вечно, безо всякой надежды. Общепринятые трагедии слишком просты. Герой умирает, и мы испытываем очищение чувств. Реальная трагедия происходит в неизвестных дырах, под покровом пыли, если цитировать У. Х. Одена. Мир о ней не ведаёт. Как тот персонаж в «Пригоршне праха», который читает Диккенса мистеру Тодду. Для него избавления нет. История заканчивается, а он все читает. Но мы не испытываем очищения чувств, поскольку нас там нет.

– Весьма интересно, – заметил председатель.

Затем он осмотрел стол и спросил других членов комиссии, имеются ли у них вопросы к мистеру Оконкво. Все, кроме спящего, ответили, что вопросов нет.

– Почему вы хотите получить государственную должность? Чтобы брать взятки? – спросил тогда председатель.

Оби замялся. Его первым желанием было сказать, что вопрос идиотский. Но вместо этого он ответил:

– Не знаю, какого ответа вы от меня ждете. Даже если бы я был намерен брать взятки, вы же не предполагаете, что я признаюсь в этом перед комиссией. Так что не думаю, что вопрос целесообразен.

– Не вам решать, мистер Оконкво, какие вопросы целесообразны, – заметил председатель, тщетно пытаясь принять суровый вид. – Как бы то ни было, мы сообщим вам о своем решении. Хорошего дня.

Джозеф не очень обрадовался, когда Оби рассказал ему про собеседование. Он считал, что человек, который хочет получить работу, не может позволить себе злиться.

– Глупости! – воскликнул Оби. – Вот это я называю колониальным менталитетом.

– Да называй, как хочешь, – сказал Джозеф на ибо. – Ты больше меня вызубрил, но я старше и мудрее. И я говорю тебе, что не нужно вызывать своего *чи* на ринг.

Марк, бой Джозефа, принес рис и поджарку, и друзья сразу набросились на еду. Потом Марк сходил на противополо-

ложную сторону улицы, где торговали ледяной водой по пенни за бутылку, и принес две. Он так и не стер с кончика носа сажу. Оттого, что Марк раздувал огонь собственными легкими, глаза у него покраснели и слезились.

Какое-то время друзья ели молча, а потом Оби заметил:

– Знаешь, а ты здорово изменился за четыре года. Раньше тебя интересовали только два вопроса – политика и женщины.

Джозеф улыбнулся:

– На пустой желудок политику не сделаешь.

– Согласен, – миролюбиво кивнул Оби. – А как насчет женщин? Я здесь уже два дня и еще ни одной не видел.

– Я тебе не рассказывал, что собирался жениться?

– И что?

– Когда служишь каким-то второсортным клерком и уплатишь сто тридцать фунтов за невесту, становится понятно, что на других женщин тебе уже не хватает.

– Ты хочешь сказать, что заплатил сто тридцать? А как насчет закона, запрещающего подобные выплаты?

– Этот закон просто взвинтил цены, не более.

– Какая жалость, что три мои старшие сестры так рано повыходили замуж. Можно было бы на них подзаработать. Ладно, наверстаем на других.

– Ничего смешного тут нет, – огрызнулся Джозеф. – Вот подожди, сам соберешься жениться. С тебя, когда поймут, что ты крупный чиновник, скорее всего, заломят пятьсот.

– Я не крупный чиновник. Ты только что сказал, что мне не дадут работу, поскольку я сказал этому идиоту все, что о нем думаю. В любом случае, – крупный – не крупный, не стану я платить пятьсот фунтов за жену. И сто не буду платить, и даже пятьдесят.

– Ты шутишь, – усмехнулся Джозеф. – Может, ты намерен стать вашим преподобием?

В ожидании результатов собеседования Оби решил съездить в Умуофию, свой родной город, расположенный в пятистах милях, в Восточной провинции. Дорога была малоинтересная. Он поехал на грузовичке, на котором было написано: «Решения Бога обжалованию не подлежат», – заняв место в первом классе. Это означало, что Оби разместился на переднем сиденье рядом с водителем и молодой женщиной с ребенком. Сзади сидели торговцы, мотающиеся между Лагосом и знаменитым рынком в Ониче на берегу Нигера. Грузовик был до того заполнен, что торговцы не могли вытянуть ноги. Как жареные цыплята, они поджали колени к подбородку, а щиколотки к ягодицам. Но, кажется, не возражали. Пассажиры развлекали друг друга веселыми открытыми песенками, где в основном говорилось о молодых женщинах, которые, вместо того чтобы стать матерями, пошли в няни или учительницы.

Водитель грузовичка оказался очень спокойным человеком. Он либо ел орехи кола, либо курил сигареты. Колу он

ел для того, чтобы не заснуть ночью, поскольку отправился в рейс вечером и ехать ему было всю ночь до раннего утра. Время от времени он просил Оби чиркнуть спичкой и прикурить ему сигарету. Хотя в первый раз ему предложил это сам Оби, который занервничал, увидев, как водитель крутит руль локтями и одновременно возится со спичками.

Примерно на сороковой миле за Ибаданом водитель вдруг воскликнул:

– Долбаная полиция!

На обочине дороги в трехстах ярдах Оби заметил двоих полицейских, которые подали знак грузовику остановиться.

– Ваши документы, – сказал один из них водителю.

Только сейчас Оби понял, что его сиденье представляло собой своего рода сейф для хранения денег и важных бумаг. Водитель попросил пассажиров подняться и, отперев ящик, вынул пачку. Полицейский с сомнением просмотрел ее.

– Где техосмотр?

Водитель показал ему документ о прохождении автомобилем техосмотра. Тем временем другой полицейский подошел к помощнику водителя. Однако в тот момент, когда помощник хотел передать что-то этому второму полицейскому, Оби взглянул в их сторону. Рассудив, что Оби может оказаться из департамента уголовного розыска, полицейский предпочел не рисковать и с видом величайшего негодования прогнал помощника.

– Что тебе нужно? Пошел прочь!

Другой полицейский нашел в документах какую-то ошибку и начал переписывать данные. Водитель просил, умолял, все тщетно. Наконец машина двинулась дальше, по крайней мере, так решил Оби. Однако, проехав четверть мили, водитель затормозил.

– Зачем ты смотрел в лицо того человека, когда мы хотели дать два шиллинга? – спросил он у Оби.

– Потому что он не имеет права брать у вас два шиллинга.

– Вот и вози после этого ученого, – запричитал водитель. – Слишком много знать – только беды на голову. Чего совать нос в дела, которые тебя не касаются? Теперь этот будет требовать с меня десять шиллингов.

Только через несколько минут Оби понял, почему они остановились. Помощник побежал обратно к полицейским, зная, что они более покладисты, когда на них не пялятся сомнительные незнакомцы. Скоро он вернулся, запыхавшись.

– Сколько брали? – спросил водитель.

– Десять шиллингов, – выдохнул помощник.

– Вот тебе и смотри, – сказал водитель Оби, который уже начинал чувствовать себя слегка виноватым, поскольку все торговцы сзади, разобравшись, что случилось, сменили объект своей критики с девушек, делающих карьеру, на молодых людей, которые «много знают».

Оставшуюся часть пути водитель с Оби больше не разговаривал.

«Какие же авгиевы конюшни, – размышлял Оби. – С че-

го начинать? Массы? Всеобщее образование? – Он покачал головой. – Никаких шансов. На это потребуются столетия. Горстка людей наверху. Или даже один человек с ясным пониманием происходящего – просвещенный диктатор. Сегодня этого слова боятся. Но какая демократия может существовать бок о бок с такой коррупцией и невежеством? Может, какая-нибудь переходная форма? Своего рода компромисс?»

Когда рассуждения Оби дошли до этой точки, он напомнил себе, что в Англии сравнительно недавно процветала такая же коррупция. Но думать логично он был не в настроении. Разуму не терпелось перебраться в более ласковые пространства.

Молодая женщина слева теперь спала, крепко прижав ребенка к груди. Она ехала в Бенин. Больше Оби ничего о ней не знал. Женщина почти не говорила по-английски, а он не знал ни слова на бини. Оби закрыл глаза и попытался представить, что это Клара; их колени соприкасались. Не получилось.

Почему Клара упрямо твердила, чтобы он пока не говорил о ней своим? Может, еще не решила, хочет ли выходить за него замуж? Вряд ли. Ей так же, как и ему, хотелось заключить помолвку, правда, она повторяла, чтобы Оби не тратился на покупку кольца, пока не получит работу. Или Клара собиралась сначала поговорить со своими? Но если так, к чему эта таинственность? Почему бы просто не сказать, что она

хочет посоветоваться с родными? А может, Клара не такая уж и бесхитростная, как полагал Оби, и нагнетает напряжение, желая покрепче привязать его к себе? Он рассмотрел все варианты и отверг один за другим.

По мере того, как сгущалась ночь, воздух сначала стал свежим, бодрящим, а затем холодным. Из кучи тряпок, на которых сидел, водитель вытащил грязную коричневую матерчатую кепку и натянул на голову. Женщина из Бенина перевязала платок, покрыв уши. У Оби была спортивная куртка, он купил ее в свой первый год в Англии. Пока Оби пользовался ею, только чтобы сидеть было помягче, но теперь укрыл спину и плечи. Однако по-настоящему хорошо было только ногам. Жар мотора, несколько неприятный раньше, разбавил прохладный воздух, и ноги ласкало теплом.

Оби хотел спать, и мысли все больше обращались на эротические темы. В голове звучали слова, которые он не произнес бы вслух даже в одиночестве. Странно, все эти слова Оби говорил на родном языке. Он мог использовать английские словечки, сколь угодно грязные, но некоторые просто не мог произнести на ибo. Несомненно, причиной таких цензурных барьеров являлось раннее воспитание, а английские слова просачивались, потому что были выучены им позднее.

Оби продолжал пребывать в полусонном состоянии, пока водитель вдруг не остановился на обочине дороги, не потер глаза и не заявил, что раз или два поймал себя на том, что уснул. Все, разумеется, обеспокоились этим обстоятель-

ством и попытались чем-то помочь.

– Не взял колу на поесть? – спросил сзади один торговец.

– Не видел, что я ел колу весь день? – усмехнулся водитель. – Не понимаю, почему так сплю. Сказать честно, я не спать последняя ночь, но это не первый раз я так.

Все согласились с тем, что сон – совершенно дурацкое явление.

Через две-три минуты общего разговора на эту тему водитель продолжил путь с обещанием и решимостью сделать все, что в его силах. А Оби сон оставил, как только грузовик затормозил. Мозги тут же прочистились – будто взошло солнце и высушило покрывавшую их росу.

Торговцы опять запели, на сей раз нечто вполне пристойное. Оби знал припев и попытался перевести слова на английский. Только тут до него дошел их смысл.

Свояк пошел повидать свояка.

О-йеми-о.

Свояк схватил его и убил.

О-йеми-о.

Тащи лодку, тащи весло.

О-йеми-о.

Весло говорит по-английски.

О-йеми-о.

На первый взгляд в песне не было ни смысла, ни логики. Но, мысленно повторяя ее, Оби был потрясен богатством

ассоциаций, которые может вызвать даже такая непритязательная песенка. Прежде всего неслыханное дело, чтобы свояк убил свояка. В понимании ибо это верх предательства. Разве не говорят старики, что свояк – это твой *чи*, личный бог? Восстать против него – еще одно крупное предательство. Весло внезапно начинает говорить на языке, который его владелец, рыбак, не понимает. «В общем, – думал Оби, – в песне поется о том, что мир перевернулся вверх ногами». Ему понравилась эта экзегеза, и он принялся вспоминать другие песни, которые можно было бы истолковать подобным образом. Но песня торговцев стала такой громкой и скабрёзной, что он не смог сосредоточиться на своих мыслях.

Сегодня съездить в Англию – такое же обычное дело, как спуститься к деревенскому ручью. Но пять лет назад все было иначе. Возвращение Оби в деревню стало чуть не праздником. В Ониче его ждала спортивная машина, чтобы как подобает доставить в Умуофию, располагавшуюся милях в пятидесяти. Однако прежде чем пуститься в путь, у Оби было несколько минут для осмотра огромного рынка Оничичи.

Первое, что привлекло его внимание, был открытый джип, из динамиков грохотала местная музыка. Два человека в салоне раскачивались в такт музыке, как и многие, толпой собравшиеся вокруг. Оби недоумевал, что все это значит, как вдруг музыка резко стихла. Один из сидевших в джипе поднял какую-то бутылку так, чтобы все видели. «Это эликсир жизни», – провозгласил человек и принялся расска-

зывать о нем толпе. Точнее, поведал он немного, поскольку все чудесные качества эликсира перечислить невозможно. Второй вынес стопку рекламных листов и раздал толпе, в основном состоявшей из неграмотных.

– Этот лист расскажет вам про эликсир жизни, – повторял он.

Было ясно, что если про эликсир написано на бумаге, то все это чистая правда. Оби разжился одним из листов и прочитал список болезней. Первые три были: «Ривматизм, желтая лихаратка, укус собаки».

На противоположной стороне дороги, ближе к воде, сидели несколько женщин, торговавших *garri* из больших белых эмалированных чанов. Появился нищий. Его тут, судя по всему, хорошо знали, потому что многие окликали по имени. Наверное, нищий был еще и немного полоумный. Звали его В Одну Сторону. Держа перед собой эмалированную миску, он начал обходить торговок. Женщины отбивали ритм пустыми пепельницами, а В Одну Сторону пританцовывал вдоль торгового ряда, получая от каждой женщины пригоршню *garri*. Добравшись до конца, он заработал две огромные порции.

В ожидании прибытия Оби на две мили вдоль дороги, ведущей из Умуофии в Оничу, растянулись музыканты. По меньшей мере пять разных групп, если не считать духового оркестра миссионерской школы Умуофии. Как будто праздновала вся деревня. Те, кто не вышел на дорогу – в основном

пожилые, – толпой уже собрались у дома мистера Оконкво.

Одна беда – мог зарядить дождь. Но многие почти желали, чтобы начался ливень, который показал бы Исааку Оконкво, что христианство ослепило его. Он был единственным, кто знать не хотел, что в честь сегодняшнего события полагалось бы отнести главному призывателю дождя в Умуофии пальмового вина, петуха и немного денег.

– Он не единственный христианин, кого видели наши глаза, – сказал один из собравшихся. – Но это, как пальмовое вино, что мы пьем. Некоторые могут пить и не терять при этом мудрости. А другие теряют все свои чувства.

– Очень, очень верно, – отозвался другой. – Когда новое учение приходит в страну пустых людей, они теряют от него голову.

В этот самый момент Исаак Оконкво спорил о призывании дождя с одним из стариков, пришедших порадоваться вместе с ним.

– Может, ты хочешь сказать мне, что некоторые не могут насладиться громом на своих врагов? – спросил старик.

Мистер Оконкво ответил, что говорить подобное все равно что жевать жвачку глупости или засунуть голову в кипящую кастрюлю.

– Воистину великое дело совершил сатана в мире нам подобных, – заявил он. – Только он способен вложить в утробу человеку такую отвратительную мысль.

Старик терпеливо дождался, пока Исаак Оконкво замол-

чит, а потом продолжил:

– Ты не чужеземец в Умуофии. Слышал, как говорят наши старики: гром не может убить сына или дочь Умуофии. Знаешь ты кого-либо сегодня или в прошлом, кто погиб бы так?

Оконкво вынужден был признать, что не знает.

– Но это воля Бога, – уточнил он.

– Это воля наших предков, – возразил старик. – Они придумали действенное средство, чтобы защитить себя от грома, и не только себя, но и навечно всех своих потомков.

– Воистину, – вступил другой. – И всякий, кто отрицает это, отрицает попусту. Пусть пойдет к Нвокеке и спросит, как его ударило громом в прошлом году. С него, как со змеи, слезла вся кожа, но он не умер.

– А почему его вообще ударило громом? – спросил Оконкво. – Ведь не должно было ударить.

– Это его дела с *чи*. Но да будет тебе известно, что ударило его в Мбайно, а не дома. Может быть, гром, увидев его в Мбайно, сначала решил, что он из Мбайно.

Четыре года, проведенные в Англии, вызвали у Оби страстное желание вернуться в Умуофию. Это чувство порой становилось таким острым, что он ощущал себя почти виноватым в том, что учит английский для получения степени. При малейшей возможности Оби переходил на ибо. Ничто не могло доставить ему такой радости, как встреча с другим студентом ибо в лондонском автобусе. Но когда он

говорил по-английски с каким-нибудь нигерийским студентом из другого племени, то понижал голос. Было унижительно беседовать со своим соотечественником на чужом языке, особенно в присутствии его гордых носителей. Ведь те могли предположить, что у человека вообще нет своего языка. Оби хотел бы, чтобы они присутствовали сегодня здесь и все это видели. Пусть приедут в Умуофию и послушают разговор людей, столь великолепно владеющих искусством беседы. Пусть посмотрят на мужчин, женщин и детей, которые знают, как жить, чья радость еще не убита теми, кто претендует на то, чтобы учить другие народы, как жить.

Оби встречали сотни людей. Прежде всего преподавательский состав и ученики Центральной миссионерской школы Умуофии, их духовой оркестр только что исполнил «Старый Калабар». Еще они сыграли старинную евангелическую мелодию, на которую во времена школьного детства Оби ученики-протестанты накладывали антикатолические слова, особенно в Имперский день, когда протестанты и католики проводили спортивные соревнования.

*Отасили осукуву Онйенкузи Фада Э мисиси йа оли
аво-о.*

Что переводится на английский, как:

Учитель-католик поедает пальмовые плоды,
А его миссис пожирает жаб.

После первых четырехсот рукопожатий и сотни объятий Оби какое-то время пообщался с сородичами отца в большой гостиной. Для всех не хватило стульев, и многие, разложив на полу козьи шкуры, расположились на них. Между теми, кто сидел на стульях, и теми, кто сидел на полу, не было такой уж большой разницы, поскольку сидевшие на стульях тоже сначала расстилали на них козьи шкуры.

– Должно быть, страна белого человека в самом деле очень далеко, – предположил один из гостей.

Все знали, что она очень далеко, но желали еще раз услышать это от своего молодого сородича.

– И слов не подобрать, – кивнул Оби. – Чтобы проделать этот путь, кораблю белого человека потребовалось шестнадцать дней – четыре базарных недели.

– Подумать только, – обратился другой гость к остальным. – Четыре базарных недели. И не на каноэ, а на корабле белого человека, который бежит по воде, как змея ползет по траве.

– Иногда по целой базарной неделе вообще не видно земли, – продолжил Оби. – Никакой земли ни спереди, ни сзади, ни справа, ни слева. Одна вода.

– Подумать только. Никакой земли целую базарную неделю! В наших народных сказаниях можно добраться до страны духов, если пройдешь семь рек, семь лесов и семь холмов. Ты, конечно же, побывал в стране духов.

– Несомненно, так, дитя мое, – сказал другой старик. –

Азик, – окликнул он, имея в виду Исаака, – принеси нам орех кола, чтобы мы разломим его в честь возвращения твоего сына.

– Это христианский дом, – заметил отец Оби.

– Христианский дом, в котором не едят орехи кола? – усмехнулся старик.

– Едят, – ответил мистер Оконкво, – но не жертвуют их идолам.

– А кто говорил о жертве? Ребенок вернулся после сражения в мире духов, а ты сидишь тут и рассуждаешь о христианском доме и идолах, будто человек, которому в нос попало пальмовое вино, – с отвращением прошипел он, подхватил свою козью шкуру и, выйдя на улицу, уселся там.

– Сегодня не день, чтобы ссориться, – произнес другой старик. – Я дам орех.

Он взял козью шкуру, свисавшую с его стула, и начал в ней рыться. Послышалось постукивание разнообразных предметов: рога для питья, табачного флакончика, ложки.

– Мы разломим его по-христиански, – заявил старик, выживая орех кола.

– Не утруждай себя, Огбуэфи Одогву, – обратился к нему Оконкво. – Я не отказываюсь предложить вам орех кола. Я просто хочу сказать, что в моем доме он не будет языческой жертвой.

Хозяин прошел во внутреннюю комнату и скоро вернулся с блюдцем, на котором лежали три ореха кола. Огбуэфи Одо-

гву настоял на том, чтобы присоединить к ним и свой орех.
– Оби, покажи всем орехи кола, – велел отец.

Оби уже поднялся для этого, поскольку был самым младшим в комнате, и, когда присутствующие увидели блюдо, поставил его перед Огбуэфи Одогву – самым старшим. Одогву не был христианином, но о христианстве кое-что знал. Как и многие в Умуофии, раз в год он посещал церковь – во время сбора урожая. Его единственная претензия к христианскому богослужению заключалась в том, что пастве было отказано в праве отвечать на проповедь. Особенно Одогву любил и понимал «ныне и присно и во веки веков». «Как человек приходит в мир, – часто повторял он, – так и уходит из него. Когда умирает знатный человек, с него снимают ножные браслеты, так что возвращается он таким же, каким и пришел. Христиане правы, когда говорят: как было вначале, так будет и в конце».

Одогву взял блюдо, свел колени, чтобы получилось подобие стола, и поставил на них блюдо. Затем поднял руки ладонями вверх и произнес:

– Благослови этот орех кола, чтобы, когда мы будем есть его, он стал благотворен для нашего тела во имя Джезу Кристи. Как было в начале, так будет и в конце. Аминь.

Все откликнулись: «Аминь» – и поблагодарили старика Одогву за прекрасные слова. Даже Оконкво не мог не выразить своей благодарности.

– Ты должен стать христианином, – сказал он.

– Ладно, если ты не сделаешь меня пастором, – ответил Одогву.

Присутствующие рассмеялись. Затем разговор снова свернул на Оби. Мэтью Огбонна, плотник из Оничи, а следовательно, человек бывалый, заметил, что нужно благодарить Бога за то, что Оби не привез домой белую жену.

– Белую жену? – удивился один из гостей. Для него это было чем-то невероятным.

– Да, я видал такое обоими своими глазами, – подтвердил Мэтью.

– Да, – кивнул Оби. – Многие черные мужчины, которые едут в страну белого человека, женятся на его женщинах.

– Слышишь? – опять подал голос Мэтью. – Говорю тебе, я видел такое своими глазами в Ониче. У той женщины даже было двое детей. А что случилось в итоге? Бросила она этих детей и вернулась в свою страну. Поэтому я и говорю: черный мужчина, который женится на белой женщине, попусту тратит время. Жизнь с ним белой женщины как жизнь луны на небе. Настанет время, и она уйдет.

– Как это верно, – сказал другой гость, который тоже немало путешествовал. – Дело не в том, что она уйдет. Но пока она с ним, белая женщина отвратит лицо мужчины от его сородичей.

– Я счастлив, что ты вернулся домой цел и невредим, – обратился Мэтью к Оби.

– Он сын Игуэдо, – сказал старик Одогву. – Умуофия – это

девять деревень, но Игуэдо есть Игуэдо. Мы не без недостатков, но не как те пустые люди, которые белеют, видя белое, и чернеют, видя черное. – Сердце Оби преисполнилось гордостью. – Он внук Огбуэфи Оконкво, тот один вышел на белого человека и погиб в бою. Встань! – Оби послушно поднялся. – Запомните его, – продолжил Одогву. – Он – это вернувшийся Огбуэфи Оконкво. Он Оконкво *кпом-квем* – в точности, полностью.

Отец Оби смущенно кашлянул.

– Мертвые не возвращаются, – заметил он.

– Говорю тебе, он Оконкво. Как было в начале, так будет и в конце. Так утверждает твоя религия.

– Она не утверждает, что мертвые возвращаются.

Одогву сменил тему:

– Игуэдо рождает великих людей. В молодости я знал их – Оконкво, Эзеуду, Обиэрика, Около, Нвосу. – Он перечислял имена, соединяя поочередно пальцы правой и левой рук. – И многих других, их не меньше, чем песчинок в песке. Среди их отцов мы встречаем таких, как Нду, Нвосиси, Икеди, Обику и его брата Ивеку – все они титаны. Великими были эти мужи в свои дни. Сегодня у величия иная музыка. Уже не титулы свидетельствуют о величии, не амбары, не большое число жен и детей. Величие теперь – удел белого человека. И вот, мы тоже сменили музыку. Мы первые из девяти деревень отправили своего сына в страну белого человека. Величие – с древности удел Игуэдо. Оно сотворено не человеком.

Нельзя вырастить величие, как выращиваешь ямс или маис. Кто, когда вырастил дерево ироко, величайшее дерево в лесу? Вы можете собрать семена ироко со всего света, вскопать землю и поместить их туда. Пустое. Великие деревья сами решают, где им расти, и тогда мы видим их. Так же и величие людей.

Глава 6

Возвращение Оби домой все-таки стало не таким счастливым, как он мечтал. Причиной была мать. За четыре года она так постарела и ослабла, что он едва мог в это поверить. Оби слышал, что мать подолгу бывала больна, но не предполагал, что все настолько плохо. Теперь, когда гости разошлись и мать, подойдя, обняла сына, обвив руками его шею, слезы во второй раз выступили у него на глазах. Отныне он будет нести ее печаль на своей шее, как ожерелье из камней.

Отец — тоже кожа да кости, хотя вид у него и не такой скверный, как у матери. Оби понимал, что им не хватает качественной еды. «Неслыханно, — думал он, — после тридцати лет службы в церкви отец получает пенсию два фунта в месяц, львиная доля которых уходит в ту же церковь в виде классных взносов и других поборов. К тому же двое его младших детей еще учатся в школе, и за каждого надо платить школьный, да еще церковный взнос».

После того как остальные отправились на покой, Оби с

отцом долго сидели в продолговатом помещении, большая центральная дверь и два ее окна выходили на улицу. В христианских домах такая комната называлась *пиезе*. Дверь и окна они закрыли, чтобы отвадить соседей, которые все шли и шли посмотреть на Оби, кое-кто по четвертому разу.

Возле стула, на котором сидел отец Оби, стояла керосиновая лампа. Отцовская. Он сам протирал стекло и никому не доверил бы это занятие. Лампа была старше Оби.

Стены *пиезе* недавно освежили мелом. До сих пор Оби не имел возможности осмотреться и заметить эти знаки любви. Пол тоже натерли, хотя после того количества ног, которые потоптались по нему сегодня, его надо было опять натирать краснотером, разведенным водой.

Наконец отец прервал молчание:

– Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром.

– Ты о чем, отец? – спросил Оби.

– Порой я боялся, что Господь не сподобит меня увидеть твое возвращение.

– Почему? Ты такой же сильный, как обычно.

Отец проигнорировал неискренний комплимент, размазывая свою цепочку рассуждений.

– Завтра мы все помолимся в церкви. Пастор согласился провести для тебя специальную службу.

– А это необходимо, отец? Разве недостаточно, чтобы мы помолились вместе здесь, как сегодня вечером?

– Необходимо, – ответил отец. – Хорошо молиться дома, но лучше в Божием доме.

«Что бы случилось, если бы я встал и сказал ему: “Отец, я больше не верю в твоего Бога”?» – подумал Оби. Он знал, что выговорить такое совершенно невозможно, просто задумался, что было бы, если бы он все-таки это сделал. Оби часто задавался подобными вопросами. Несколько недель назад в Лондоне он попытался представить, что произошло бы, если бы он сейчас встал и сказал скользкому, как змея, члену парламента, который читал африканским студентам лекцию о Центральной африканской федерации: «Пошел вон! Все вы чертовы лицемеры!» Хотя это все-таки разные вещи. Отец горячо верит в Бога, а тот скользкий, как змея, член парламента – самый настоящий чертов лицемер.

– У тебя было там время читать Библию?

Оставалось только врать. Порой ложь милосерднее правды. Оби понимал, почему отец задал этот вопрос. Он плохо читал молитвы сегодня вечером.

– Иногда, – ответил он, – но это была Библия на английском языке.

– Да, – кивнул отец, – понимаю.

Повисла долгая пауза, во время которой Оби со стыдом вспомнил, что, как ребенок, запинаясь сегодня при произнесении своих фрагментов молитвословий. В первом стихе он сказал *угву* — «гора», а нужно было «обрезание». Четыре-пять голосов тут же поправили его; первый услышанный

им голос принадлежал самой младшей сестре, Евнике. Ей было одиннадцать лет, и она училась в четвертом классе.

Вся семья сидела за огромным столом в гостиной, в центре которого стояла старая керосиновая лампа. Их было девять – отец, брат, шесть сестер и Оби. Когда отец, сверившись со специальной карточкой, что издавал Союз Священного Писания, назвал сегодняшнее Евангелие, Оби сам себе поразился, что без труда нашел место в книге, которая была у него на двоих с Евникой. Затем они помолились о том, чтобы открылись глаза, и начали читать, каждый по одному стиху, по очереди.

Мать Оби сидела в глубине комнаты на низком табурете. Четверо грудных детей ее замужних дочерей лежали на половике у ее ног. Она умела читать, но никогда не принимала участия в семейных молениях. Просто слушала мужа и детей. Сколько помнили дети, так было всегда. Ханна отличалась искренней набожностью, но Оби часто думал, может, если бы право выбора осталось за ней, она с бóльшим удовольствием рассказывала бы своим детям сказки, как в свое время и ее мать. Ханна действительно рассказывала сказки старшим дочерям. Но то было до рождения Оби. Мать перестала это делать, потому что муж запретил ей. «Мы не язычники, – сказал он. – Такие сказки не годятся для людей Церкви».

И она перестала рассказывать детям сказки. Ханна была предана мужу и новой вере. Ее мать пришла в церковь со

своими детьми после смерти мужа. Ханна была уже взрослая, когда они перестали быть «ничьими» и стали «людьми Церкви». Такова была вера первых христиан, что они называли остальных «ничьими», хотя порой, в более милосердном расположении духа, «людьми мира».

Исаак Оконкво был не просто христианином, а еще и учил Закону Божьему. В первые годы брака он внушил Ханне, что это высокая ответственность – быть женой преподавателя Закона Божьего. Поняв, чего от нее ждут, мать стала делать все, иногда демонстрируя еще бóльшую ревностность, чем даже муж. Она учила детей не брать еду в домах соседей, поскольку, по ее словам, те посвящают еду идолам. Уже одно это ставило преграду между ее детьми и другими, поскольку дети племени ибо ели, где хотели. Однажды, когда Оби было четыре года, сосед предложил ему немного ямса. Он покачал головой, как делали его старшие и более мудрые сестры, и сказал: «Мы не едим языческую еду». Сестра Джанет не успела закрыть ему рот рукой.

Но в этом крестовом походе случались послабления. Одно произошло, когда Оби уже год или два учился в школе. Один предмет он любил и боялся его. Он назывался «устный». Во время урока учитель мог вызвать любого ученика, чтобы тот рассказал сказку. Оби любил сказки, но не знал ни одной, какую мог бы рассказать. Как-то учитель вызвал его, велел встать лицом к классу и рассказать сказку. Идя по проходу и становясь перед классом, Оби дрожал. «*Олулу офу оге*», –

начал он – так начинались все сказки, – но больше ничего не знал. Губы дрожали, однако из гортани не вылетало ни звука. Класс высмеял его. Когда Оби возвращался на свое место, глаза были полны стекавших по щекам слез.

Дома он рассказал об этом матери. Она велела ему потерпеть, пока с вечернего молитвенного собрания не вернется отец.

Несколько недель спустя Оби опять вызвали. Он смело встал перед классом и изложил одну из новых сказок, рассказанных ему матерью. Оби даже прибавил кое-что от себя, что вызвало всеобщий смех. Это была сказка о зловредной леопардихе, которая решила съесть ягнят своей старой подруги овцы. Леопардиха пришла к хижине овцы, когда та отправилась на рынок, и стала искать ягнят, не зная, что мать спрятала их в разбросанной по хижине ореховой скорлупе. Наконец леопардиха отчаялась найти ягнят и принесла два камня, чтобы раздробить пару орехов и съесть хотя бы их перед уходом, потому что она была очень, очень голодна. Как только леопардиха расколола первый орех, ядро сбрызнуло в кусты. Она удивилась. Второй орех тоже умчался в кусты. А третий, самый старший орех, по версии Оби, прежде чем убежать, съездил разбойницу по глазам.

– Так ты говоришь, что можешь побыть с нами всего четыре дня?

– Да, – кивнул Оби. – Но я очень постараюсь приехать еще

в этом году. Мне надо в Лагос, искать работу.

– Да, – медленно произнес отец. – Работа – первое дело. Человеку, который не обеспечил себе место на полу, не стоит искать половик. – И после паузы добавил: – Нужно о многом поговорить, но не сегодня. Ты устал, тебе необходимо поспать.

– Я не очень устал, отец. Но, наверное, действительно лучше поговорить завтра. Хотя насчет одного ты должен успокоиться. Никаких вопросов, что Джон закончит свое обучение в средней школе, быть не может.

– Спокойной ночи, сынок, и да благословит тебя Господь.

– Спокойной ночи, отец.

Оби одолжил у отца ветхую керосиновую лампу, чтобы осветить себе путь в комнату и к кровати. Старинная деревянная кровать с жестким матрасом, набитым травой, была застелена новехонькой белой простыней. Наволочки с изящным цветочным рисунком, без сомнения, смастерила Эстер. «Старая добрая Эстер», – подумал Оби. Он вспомнил время, когда был еще маленьким мальчиком, а Эстер только что стала учительницей. Все говорили, что ее нельзя больше называть Эстер, это, мол, неуважение, только «мисс». И ее стали называть «мисс». Иногда Оби, забывшись, звал ее Эстер, и Черити пеняла ему, что он невоспитанный.

В ту пору Оби прекрасно ладил с тремя старшими сестрами – Эстер, Джанет и Агнес, но только не с Черити, которая по возрасту была к нему ближе всего. Имя Черити на ибо

означало «Девочка тоже неплохо», но когда они ссорились, Оби называл ее «Девочка – это плохо». Тогда, если рядом не было матери, Черити принималась его бить, в противном случае откладывала битье на потом. Она была крепкая, как железо, и ее боялись другие соседские дети, даже мальчики.

Улегшись в постель, Оби долго не мог уснуть. Он думал о своей ответственности. Было ясно, что скоро родители не смогут обеспечивать себя. Они никогда не полагались на скудную пенсию отца. Отец выращивал ямс, а его жена – маниоку и таро. Еще она из щелочной смеси, изготавливаемой на основе пальмового пепла и масла, делала мыло и с небольшой выгодой продавала его односельчанам. Но теперь они стали слишком стары для этого. «Я должен выдавать им ежемесячное содержание из своей зарплаты». Сколько? Может он позволить себе десять фунтов? Если бы только ему не нужно было выплачивать двадцать фунтов в месяц Прогрессивному союзу Умуофии! Потом еще школьные взносы за Джона.

– Как-нибудь выкрутимся, – вслух произнес он. – Все сразу не бывает. В этой стране так много молодых людей, которые пожертвовали бы собой, чтобы получить возможность, предоставленную мне.

На улице внезапно поднялся сильный ветер, зашумели потревоженные деревья. В щели жалюзи пробились вспышки молнии. Собирался дождь. Оби любил ночной дождь. Он перестал думать об ответственности и вернулся мыслями к

Кларе – как было бы восхитительно, если бы она в такую ночь лежала рядом, ее прохладное тело – круглые бедра, налившиеся груди.

Почему Клара просила пока не сообщать ничего родителям? Неужели до сих пор не решилась? Оби хотел бы уже поговорить с матерью. Знал, что та будет вне себя от радости. Однажды мать сказала, что готова будет уйти, увидев его первенца. Это было до отъезда Оби в Англию, когда родился первый ребенок Эстер. Сейчас у Эстер трое, у Джанет двое, у Агнес один. У Агнес тоже было бы двое, если бы не умер первый. Наверное, ужасно терять первенца, особенно для такой маленькой девочки, как Агнес. Она действительно была девочкой ко времени замужества, по крайней мере, в том, что касается поведения. Да и сейчас не окончательно повзрослела. Мать всегда ей это говорила. Вспомнив небольшое происшествие после молитв час или два назад, Оби улыбнулся в темноте.

Агнес попросили отнести в постель детей, которые уже уснули на полу.

– Только разбуди их сначала, чтобы они пописали, а то надут в кровать, – посоветовала Эстер.

Агнес схватила первого ребенка за запястье и потянула.

– Агнес! Агнес! – воскликнула мать, сидевшая на низком табурете возле спящих детей. – Я всегда говорила, что у тебя с головой не все в порядке. Сколько же тебе повторять, что ребенка надо назвать по имени и только потом будить.

– Разве ты не знаешь, – подхватил Оби, изображая сильное негодование, – что если вот так резко дернуть, душа может не найти дорогу обратно в тело, прежде чем он проснется?

Сестры рассмеялись. Оби ничуть не изменился. Ему все еще нравилось посмеиваться над ними, не исключая и матери. Мать улыбнулась.

– Можешь смеяться, если тебе нравится, – снисходительно сказала она. – Мне нет.

– Вот поэтому отец и называет их неразумными девами, – заключил Оби.

Начался дождь, сопровождаемый громом и молниями. По железной крыше застучали крупные капли. Как будто с неба сбросили тысячи голышей, каждый завернув в кусок ткани, чтобы смягчить удар. Оби захотелось, чтобы сейчас было светло, он мечтал опять увидеть тропический дождь, который уже набирал силу. Стук отдельных капель сменился ровным ливнем. «Я и забыл, что в ноябре бывает такой сильный дождь», – подумал он, расправив набедренную повязку так, чтобы укрыться ею целиком. Вообще-то такой дождь был необычен. словно божество, ведавшее небесными водами, провело ревизию своего хозяйства, загибая пальцы, считало месяцы и решило, что осталось еще слишком много дождя, и прежде чем открыть сухой сезон, нужно сотворить что-нибудь необычайное.

Оби успокоился и заснул.

Глава 7

Первый день на государственной службе Оби не забыл, как и первый день в бедной миссионерской школе Умуофии почти двадцать лет назад. В те времена белые люди были наперечет. Мистер Джонс стал всего вторым белым человеком, которого увидели глаза Оби, а ему тогда уже почти исполнилось семь. Первым белым человеком в его жизни был епископ Нигера.

Мистер Джонс являлся инспектором школ, его боялась вся провинция. Говорили, в войну с кайзером он был на фронте, и у него повредилось в голове. Этот огромный мужчина, больше шести футов ростом, ездил на мотоцикле, который всегда оставлял в полумиле, чтобы нагрянуть в школу без предупреждения, уверенный, что застигнет кого-нибудь за преступлением. Инспектор заходил в школу примерно раз в два года и всякий раз вытворял что-нибудь такое, что помнили до следующего его визита. Два года назад он выбросил одного мальчика в окно. А теперь огреб директор. Оби так и не понял, за что, поскольку все происходило по-английски. Мистер Джонс, пунцовый от гнева, ходил взад-вперед такими огромными шагами, что Оби на секунду показалось, будто тот сейчас набросится на него. А директор школы, мистер Ндука, все пытался что-то объяснить.

– Замолчите! – крикнул мистер Джонс, сопроводив свой

выкрик пощечиной.

Симон Ндука был из тех, кто ступил на путь белого человека довольно поздно. А в молодости он в числе прочего освоил искусство борьбы. Через мгновение мистер Джонс растянулся на полу, а вся школа пришла в смятение. Учителя и дети почему-то разбежались. Повалить белого человека было все равно что сорвать маску с духа предков.

С тех пор минуло двадцать лет. Сегодня пятеро белых людей могут мечтать о том, чтобы ударить директора школы, но ни один из них не решится это сделать. Что стало трагедией для мистера Грина, начальника Оби.

Этим утром Оби уже видел мистера Грина. Как только он пришел, его сразу повели представить начальству. Не пристав со стула, не протянув руки, мистер Грин пробормотал что-то насчет того, что Оби будет доволен своей работой, при условии, если, во-первых, не окаменел от лени, а во-вторых, готов шевелить мозгами.

– Исхожу из того, что вам есть чем шевелить, – закончил он.

Несколько часов спустя мистер Грин зашел в кабинет мистера Омо, где Оби предоставили место на этот день. Мистер Омо был помощником по административным вопросам. Почти тридцать лет службы он посвятил тысячам папок и ждал, когда его сын завершит юридическое образование в Англии, чтобы выйти на пенсию, по крайней мере, он так объяснял. Оби провел первый день в кабинете мистера Омо,

чтобы освоить азы делопроизводства.

Как только вошел мистер Грин, мистер Омо вскочил, засунув в карман орех кола, который ел.

– Почему мне не передали папку с учебными отпусками? – спросил мистер Грин.

– Я думал...

– Вам платят не за то, чтобы вы думали, мистер Омо, а за то, чтобы выполняли то, что вам говорят. Это ясно? А теперь немедленно перешлите мне папку.

– Да, сэр.

Мистер Грин хлопнул за собой дверью, и мистер Омо понес ему папку. Вернувшись, он принялся распекать молодого клерка, который, судя по всему, и стал причиной неприятностей.

Оби уже понял, что ему не нравится мистер Грин, а этот мистер Омо – один из его старых африканцев. Словно чтобы подтвердить этот вывод, зазвонил телефон. Мистер Омо, как обычно, когда звонил телефон, помялся, будто аппарат имел обыкновение кусаться.

– Слушаю. Да, сэр. – Он с видимым облегчением передал трубку Оби. – Мистер Оконкво, это вас.

Оби подошел к телефону. Мистер Грин хотел знать, получил ли он официальное приглашение на работу. Оби ответил, что нет, не получал.

– Вышестоящим сотрудникам надо говорить «сэр», мистер Оконкво. – И с оглушительным треском грохнул трубку.

Через неделю после того, как Оби получил письмо о назначении на должность, он купил «Морис-Оксфорд». Мистер Грин дал ему письмо в автосалон, где сообщалось, что он является высокопоставленным госслужащим и может купить автомобиль в кредит. Больше ничего не требовалось. Оби зашел в салон и приобрел новехонькую машину.

Раньше в тот же день мистер Омо послал за ним, чтобы подписать ряд документов.

– Где ваша печать? – спросил он, как только Оби вошел.

– Какая печать? – удивился Оби.

– Получили ученая степень и не знаете, как вам ставить печать на согласие?

– Какое согласие? – опять удивился Оби.

Мистер Омо язвительно рассмеялся. У него были очень плохие зубы, черные от сигарет и орехов кола. Одного спереди не хватало, и, когда он смеялся, во рту зияла дыра, похожая на незастроенный участок в трущобах. Подчиненные по соображениям лояльности засмеялись вместе с ним.

– Вы думаете, правительство дает вам шестьдесят фунт без подписать согласия?

Только тут Оби понял, о чем речь. Он должен получить шестьдесят фунтов подъемных.

– Потрясающий день, – сообщил он Кларе по телефону. – У меня в кармане шестьдесят фунтов. И в два часа я заберу свою машину.

Клара завизжала от удовольствия.

– Может, я позвоню Сэму и скажу ему, чтобы он не беспокоился и не присылал автомобиль вечером?

Досточтимый Сэм Околи, государственный министр, пригласил их выпить и предложил прислать своего шофера. Клара жила в Ябе вместе с двоюродной сестрой. Ей предложили место младшей медсестры, и она должна была приступить к работе примерно через неделю. Тогда она поищет более подходящее жилье. Оби пока еще квартировал у Джозефа в Обаленде, но в конце недели собирался переезжать в квартиру для высокопоставленных служащих в Айкойи.

Оби расположился к досточтимому Сэму Околи, поняв, что у того нет намерений относительно Клары. Тот собирался скоро жениться на лучшей подруге Клары, которую попросили быть главной подружкой невесты.

– Входи, Клара, входи, Оби, – пригласил Околи, как будто знал их всю жизнь. – Чудесная машина. Как себя ведет? Да заходите же. Прекрасно выглядишь, Клара. Мы еще не встречались, Оби, но я все про тебя знаю. Счастлив, что ты собираешься жениться на Кларе. Садитесь. Где угодно. И скажите мне, что будете пить. Сначала дама – так научил нас белый человек. Я уважаю белого человека, хотя мы и хотим, чтобы он ушел. Сок? Боже упаси. В моем доме никто не пьет сок. Самсон, принеси мисс черри.

– Да, сэ-эр, – протянул Самсон, одетый в белоснежный костюм с латунными пуговицами.

– Пива? Или лучше глоточек виски?

– Я не пью крепкие напитки, – ответил Оби.

– Многие молодые люди из заморских краев так начинают, – заметил Сэм Околи. – Хорошо. Самсон, одно пиво, а мне виски с содовой.

Оби осмотрелся в роскошной гостиной. Он следил за дискуссией в прессе, возникшей после решения правительства построить эти министерские дома стоимостью тридцать пять тысяч каждый.

– Прекрасный дом, – похвалил он.

– Неплохой, – согласился министр.

– Какая огромная радиола! – Оби встал со своего места, чтобы подойти и рассмотреть ее вблизи.

– Это еще и магнитофон, – пояснил хозяин и, будто догадавшись, о чем думает Оби, добавил: – Не казенный. Я заплатил за нее двести семьдесят пять фунтов. – Сэм пересек комнату и включил магнитофон. – Как тебе работа в департаменте образования? Если нажать эту кнопку, начнет записывать. Хочешь остановить запись, нажми ту. Эта для воспроизведения, а та – радио. Если бы у меня были вакансии в министерстве, я бы с удовольствием пригласил тебя к себе. – Он выключил магнитофон, прокрутил назад и включил воспроизведение. – Сейчас будет весь наш разговор. – Околи довольно улыбнулся, услышав собственный голос, и стал комментировать запись на нигерийском английском. – Белый человек далеко не уйти. Мы просто зря шумим. – Тут он, кажется, вспомнил о занимаемом им положении. – Все

равно пусть уходит. Это не его страна. — Околи налил себе еще виски, включил радио и сел.

— У вас всего один секретарь-референт в министерстве? — спросил Оби.

— Пока да. Второго надеюсь получить в апреле. Раньше у меня в секретарях ходил нигериец, но он был полный идиот. Голова разбухла, как у муравья-солдата, а все потому, что ходил в ибаданский университет. Теперь у меня белый. Учился в Оксфорде, называет меня «сэр». Нашему народу предстоит длинный путь.

Оби с Кларой сидели сзади, а водитель, которого Оби нанял сегодня утром за четыре фунта десять шиллингов в месяц, вез их в Айкойи, что в двенадцати милях. Они собирались устроить праздничный ужин в честь новой машины. Но ни поездка, ни ужин не удались. Было совершенно ясно, что Клара недовольна. Оби тщетно старался разговорить ее или расслабить.

— Что случилось?

— Ничего. Просто у меня плохое настроение, вот и все.

В салоне было темно. Оби обнял Клару и притянул к себе.

— Не здесь, прошу тебя.

Он особенно обиделся, поскольку знал, что водителю все слышно.

— Прости, дорогой, — сказала Клара, вкладывая свою руку в его ладонь. — Потом объясню.

– Когда? – Оби насторожил ее тон.

– Сегодня. Когда поешь.

– Что это значит? А ты есть не будешь?

Клара заявила, что ей не до еды. Оби сказал, что в таком случае он тоже есть не будет. Все-таки они решили поужинать. Но когда принесли заказ, просто смотрели на тарелки, даже Оби, который был очень голоден.

На экраны вышел фильм, который, как утверждала Клара, нужно посмотреть. Оби отказался, он хотел выяснить, что у нее на уме. Они пошли прогуляться к бассейну.

До того, как встретить Клару на борту торгового судна «Саса», Оби полагал, что любовь – еще одна сильно преувеличенная европейская выдумка. Не то что женщины его не интересовали. Нет, с некоторыми он имел в Англии довольно близкие отношения – с одной нигерийкой, потом с девушкой из Западной Индии, англичанками и так далее. Но эта близость, какую Оби и считал любовью, не была ни глубокой, ни искренней. Всегда одна часть его существа, мыслящая часть, казалось, стояла в стороне и с циничным презрением наблюдала за страстными объятиями. В итоге одна половина Оби хотела целовать девушку и бормотать: «Я тебя люблю», а другая говорила: «Не будь придурком». И в итоге, когда чары, сменяясь жалким изнеможением, улетучивались вместе с жаром, побеждала вторая половина.

С Кларой было иначе. С самого начала иначе. Никакая его более развитая половина не стояла под боком со снисходи-

тельной улыбкой.

– Я не могу за тебя выйти замуж, – вдруг сказала она, когда Оби попытался поцеловать ее под высоким деревом манго, росшим на краю бассейна, и залилась слезами.

– Я не понимаю тебя, Клара.

Он и в самом деле не понимал. Это такая женская игра, чтобы привязать его покрепче? Но ведь Клара не такая, в ней нет жеманства. Ну, или не очень много. Одно из качеств, которое больше всего нравилось в ней Оби. Создавалось впечатление, что Клара полностью уверена в себе и, в отличие от других женщин, не задумывается, насколько быстро или дешево попадаетеся.

– Почему ты не можешь выйти за меня замуж?

Оби постарался, чтобы фраза прозвучала спокойно. Вместо ответа она упала в его объятия и громко разрыдалась на плече.

– Что случилось, Клара? Объясни.

Спокойствия как не бывало. Голос выдавал подступившие слезы.

– Я *осу*, – рыдала она.

Пауза. Клара перестала плакать и тихонько высвободилась из его объятий. Оби молчал.

– Так что мы не можем пожениться, – довольно твердо, чуть не весело – с какой-то жуткой веселостью – сказала Клара. Только слезы на щеках еще напоминали о том, что она плакала.

– Глупости! – воскликнул он.

Оби едва не прокричал это слово, как будто криком мог вычеркнуть прошедшие секунды молчания, когда, казалось, все замерло в напрасном ожидании, что он что-нибудь скажет.

Оби вернулся домой за полночь, и Джозеф уже спал. Дверь была закрыта, но не заперта, он беспрепятственно вошел. Однако легкого скрипа двери оказалось достаточно, чтобы Джозеф проснулся. Даже не раздевшись, Оби все ему рассказал.

– Я и сам хотел спросить тебя. Я все думал, почему такая хорошая, красивая девушка до сих пор не замужем. – Оби стал раздеваться. – По крайней мере, тебе повезло, что узнал вначале. Пока ничего страшного не случилось. Сном глаза не испортишь, – довольно бестолково заключил Джозеф, заметив, что приятель рассеян и никак не реагирует на его слова.

– Я женюсь на ней, – сказал Оби.

– Что? – Джозеф сел в кровати.

– Я женюсь на ней.

– Посмотри на меня. – Джозеф встал и повязал покрывало, как набедренную повязку. Теперь он говорил по-английски. – Ты выучил много всякой ерунды, но это все неважно. Знаешь, что такое *осу*? Да откуда тебе знать!

Этой короткой тирадой он дал понять, что воспитание в миссионерской школе и европейское образование превратили Оби в чужака в собственной стране – самое обидное, что,

на взгляд Оби, можно было услышать.

– Я знаю об этом побольше твоего, – ответил он. – И жёнось на этой девушке. Вообще-то я и не просил ни у кого одобрения.

Джозеф решил, что сейчас лучше оставить эту тему. Он снова лег в постель и сразу захрапел.

Столкнувшись с оппонентом, одним из сотен, которые, конечно же, ещё будут, Оби почувствовал себя лучше, более уверенным в своем решении. Наверное, это было даже не решение; в данном вопросе перед ним не стоял выбор. Неслыханно, что в середине двадцатого века человеку могут запретить жениться на девушке только потому, что ее пра-пра-пра-прапрадеда посвятили богам, исключив из общества, сделав из его потомков запретную касту до скончания времен. Просто невероятно. И на тебе, образованный человек объясняет Оби, что он чего-то не понимает.

– Даже мать не остановит меня, – буркнул он, укладываясь рядом с Джозефом.

На следующий день в половине третьего Оби позвонил Кларе в больницу и заявил, что они идут на Кингсуэй покупать обручальное кольцо.

– Когда? – только и могла спросить она.

– Немедленно.

– Но... я ведь сказала, я...

– О, не трать мое время. У меня куча дел. Я ещё не нанял слугу и не купил кастрюли и сковородки.

– Да, конечно, ты завтра переезжаешь в свою квартиру. Я чуть не забыла.

Они сели в машину, поехали в ювелирный магазин на Кингсуэй и за двадцать фунтов купили кольцо. Толстая пачка Оби в шестьдесят фунтов заметно похудела. Примерно на тридцать фунтов. Почти на сорок.

– А что насчет Библии? – спросила Клара.

– Какой Библии?

– К кольцу. Ты разве не знаешь?

Оби не знал. Они зашли в книжный магазин, которым владело католическое общество миссионеров, и купили красивую Библию на «молнии».

– Сегодня все на «молнии», – заметил Оби, машинально бросив взгляд на ширинку – убедиться, что не забыл застегнуть «молнию», как пару раз случалось.

Всю вторую половину дня они провели в магазинах. Сначала Оби так же, как и Клару, интересовали полезные вещицы, какие она покупала для него. Но через час, за который они бросили в корзину одну маленькую кастрюльку, Оби утратил всякий интерес к происходящему и, как послушный пес, просто плелся за подругой. Клара могла отложить алюминиевую кастрюлю в одном магазине и пройти всю Брод-стрит до другого, чтобы купить такую же, по той же цене.

– Какая разница между этой и той, что мы видели в «Ю-ти-си»?

– Мужчины ничего не понимают, – ответила она.

Когда Оби вернулся в комнату Джозефа, было почти одиннадцать часов. Джозеф еще не спал. Куда там, целый вечер он ждал возможности завершить спор, прерванный вчера ночью.

– Как там Клара? – спросил он.

Ему удалось произнести это так, чтобы прозвучало небрежно и вдруг экспромтом. Оби не был готов с порога возобновлять вчерашний разговор. Он хотел начать с краешка, как обычно делал много лет назад, когда предстояло утреннее омовение в холодный сезон харматана. Из всех частей его тела меньше всего холодную воду любила спина. Он стоял перед ведром с водой, думая, как лучше подступиться. Его окликала мать: «Оби, ты все? Опоздаешь в школу, тебя выпорют». Тогда он опускал в воду палец. После этого мыл сначала ступни, затем до колен, потом руки до локтей, плечи, бедра, лицо, голову, живот и, наконец, сопровождая это действие прыжком в воздух, спину. Тот же метод Оби хотел применить и теперь.

– Нормально, – ответил он. – Ваши нигерийские полицейские слишком наглые, тебе об этом известно?

– Они бесполезные, – отмахнулся Джозеф, не желая обсуждать полицию.

– Я велел водителю отвезти нас на Виктория-Бич-роуд.

Когда мы приехали, там было так холодно, что Клара отказалась вылезать из машины. И мы сидели на задних сиденьях и разговаривали.

– А водитель?

– Отошел посмотреть на маяк. В общем, не простояли мы там и пяти минут, как подъезжает полицейская машина. Один включает фонарь и говорит: «Добрый вечер, сэр». «Добрый вечер», – отвечаю. Тогда он спрашивает: «Это ваша жена?» Сохраняя полное спокойствие, я говорю: «Нет». Тогда он спрашивает: «И где ты ее подцепил?» Этого я уже выдержать не мог и взорвался. Клара на ибо попросила меня позвать шофера и уехать. Тут полицейского как подменили. Он оказался ибо, понимаешь. Заявил, что знал, что мы, дескать, ибо. И теперь многие возят чужих жен на берег. Подумать только! Где ты ее подцепил...

– Что же ты сделал?

– Мы уехали. После такого просто невозможно было остаться. Кстати, мы помолвлены. Сегодня я подарил Кларе кольцо.

– Отлично, – язвительно отозвался Джозеф и, помолчав, спросил: – Ты будешь жениться по-английски или попросишь своих родных пойти к ее родным, как требует обычай?

– Пока не знаю. Зависит от того, что скажет мой отец.

– А ты сообщил ему, когда ездил домой?

– Нет, тогда я еще сам не решил.

– Он ни за что не согласится, – покачал головой Джозеф. –

Можешь всем заявить, что я так сказал.

– Я знаю к ним подход, – улыбнулся Оби. – Особенно к матери.

– Посмотри на меня, Оби. – Джозеф всегда просил своих собеседников посмотреть на него. – То, что ты собираешься сделать, касается не только тебя, но и всей твоей семьи, и потомков. Угодил один палец в масло, испачкает остальные. В будущем, когда мы будем цивилизованные, жениться можно будет на ком угодно. Но это время пока не пришло. Мы, наше поколение, только первопроходцы.

– А кто такой первопроходец? Тот, кто указывает путь. Именно это я и делаю. В любом случае сейчас уже поздно что-либо менять.

– Да ничего не поздно, – возразил Джозеф. – Что такое обручальное кольцо? Наши отцы женились без всяких колец. Не поздно. Не забывай, ты – единственный сын Уму-офии, получивший образование в заморских краях. Мы не хотим повторять судьбу несчастного ребенка, который вырастил свой первый зуб, и тот оказался гнилым. Какой пример ты покажешь бедным мужчинам и женщинам, давшим деньги?

Оби начинал злиться.

– Это всего лишь ссуда, не забывай. Я выплачу ее полностью, до последнего аини.

Он лучше остальных знал, что родные будут решительно против его намерения жениться на *осу*. Да и кто бы не был

против? Но для него вопрос стоял так: или Клара, или никто. Семейные узы – это прекрасно до тех пор, пока не вторгаются в историю с Кларой. «Если мне удастся уговорить мать, – думал он, – все будет в порядке».

Оби с матерью связывали особые отношения. Из восьмерых детей Оби был ближе всего ее сердцу. До его рождения соседи называли ее «мать Джанет», но как только он родился, Ханна стала «матерью Оби». А у соседей на такие дела инстинкт безошибочный. В детстве Оби считал эти отношения чем-то само собой разумеющимся. Но когда ему было лет десять, случилось нечто, придавшее им в его юной голове конкретную форму. У Оби имелся ржавый бритвенный нож, которым он точил карандаш и иногда резал кузнечиков. Однажды он забыл нож в кармане, и мать, стирая его одежду на камне в ручье, сильно порезала руку. Она вернулась с грязной одеждой, а с руки капала кровь. Почему-то, с любовью думая о матери, Оби всякий раз вспоминал ту пролитую ею кровь. Это накрепко привязало его к Ханне.

Говоря себе: «Если удастся уговорить мать», – он был почти уверен, что удастся.

Глава 8

Собрания Прогрессивного союза Умуофии, его лагосского отделения, проходили в первую субботу каждого месяца. Оби не присутствовал на ноябрьском собрании, потому что

ездил домой. Друг Джозеф передал от него извинения.

Следующее собрание состоялось первого декабря тысяча девятьсот пятьдесят шестого года. Оби запомнил дату, поскольку она имела важное значение в его жизни. Джозеф позвонил ему на работу, напомнить, что собрание начинается в половине пятого.

– Не забудешь заехать за мной? – спросил он.

– Конечно, нет, – ответил Оби. – Жди меня в четыре.

– Хорошо. До встречи.

Джозеф всегда говорил по телефону с очень важным видом и не пользовался при этом ни ибо, ни нигерийским английским. Повесив трубку, он объяснил сослуживцам:

– Мой брат. Только из-за границы. Бакалавр искусств. Античность.

Джозеф всегда предпочитал выдумки про античную литературу правде про английский. Звучало внушительнее.

– Какой его департамент?

– Секретарь в Образовании.

– Делает там много денег. Каждый студент, кто хочет в Англию, идет к нему домой.

– Он не такой, – возразил Джозеф. – Джентльмен. Взятки не берет.

– Ну конечно, – недоверчиво откликнулся сослуживец.

В четверть пятого Оби заехал за Джозефом на своем «Моррис-Оксфорде». Это было одной из причин, почему Джозеф дожидаться не мог сегодняшнего собрания. Он хотел

быть причастен к триумфу, право на который давала машина. Когда кто-то из сыновей Прогрессивного союза Умуофии приезжал на собрание на спортивном автомобиле, это считалось крупным событием. На Джозефа, как на близкого друга Оби, падет отблеск славы. По этому случаю он заметно принарядился: серые фланелевые брюки, белая нейлоновая рубашка, темный галстук в крапинку и черные туфли. Джозефа, хотя он ничего не сказал, огорчил небрежный вид Оби. Он, конечно, мечтал разделить славу машины, но не желал, чтобы его назвали дальним родственником, который рыдает громче тех, кто потерял близкого члена семьи. Умуофийцы отлично умели отпускать подобные замечания, вгонявшие в краску.

Реакция собрания была даже лучше, чем ожидал Джозеф. Оби приехал к нему в четыре пятнадцать, однако Джозеф тянул с отъездом до пяти часов, зная, что к тому времени соберутся все. Штраф за опоздание составлял одно пенни, но что такое пенни по сравнению с шиком: на глазах у всех умуофийцев ты выходишь из спортивного автомобиля! Потом выяснилось, что никто и не вспомнил о штрафе. Увидев остановившуюся машину, все принялись хлопать в ладоши, кричать, пританцовывать.

– *Умуофия квену!* – крикнул один старик.

– Йе-е! – подхватил другой.

– *Умуофия квену!*

– Йе-е!

– Квену!

– Йе-е!

– *Ифе аволу Оголи азуа н'афия*, – сказал первый.

Оби посадили рядом с президентом, и прежде чем собрание опять вернулось к делам, велели отвечать на бесконечные вопросы о работе и машине.

Почтальона Джошуа Одо уволили за то, что он заснул на рабочем месте. Сам он утверждал, что не спал, а думал. Но начальник отдела искал возможности разделаться с ним, поскольку Джошуа не заплатил десять фунтов взятки, которые обещал, когда его брали на работу. И теперь Джошуа Одо просил земляков «одолжить» ему десять фунтов, чтобы найти другую работу.

Собравшиеся почти уже согласились удовлетворить его просьбу, как их прервал приезд Оби. В качестве преамбулы к выдаче общественных денег президент как раз читал Джошуа нотацию про сон на рабочем месте.

– Ты проделал четыреста миль из Умуофии не для того, чтобы спать в Лагосе, – говорил он. – В Умуофии полно кроватей. Не хочешь работать, возвращайся туда. Все вы, посыльные, таковы. У меня есть один в конторе, так он постоянно отпрашивается в туалет. В общем, я за то, чтобы одобрить заем в десять фунтов мистеру Джошуа для... м-м... м-м... с особой целью, связанной с поиском нового рабочего места.

Последние, юридически важные слова он произнес по-ан-

глийски. Заем был одобрен. Затем, чтобы немного отвлечься, кто-то прокомментировал фразу президента о том, что в Лагос, за четыреста миль, их привела работа.

— Не работа, а деньги, — сказал этот человек. — Дома работы осталась куча... Всякий, кому охота потрудиться, может вернуться домой, взять мачете и отправиться в эти ужасные кусты между Умуофией и Мбайно. Работы у него будет до конца дней.

Собрание согласилось, что в Лагос их привели именно деньги, а не работа.

— Хватит шутить, — произнес старик, который раньше славил Умуофию за воинственность. — Джошуа сейчас без работы. Мы дали ему десять фунтов. Но десять фунтов не разговаривают. Если бы вы положили на то место, где я сейчас стою, целых сто фунтов, и они бы не заговорили. Поэтому мы и считаем, что имеющий людей богаче имеющего деньги. Каждый из нас должен разведать в своих департаментах насчет вакансий и замолвить словечко о Джошуа.

Речь была встречена одобрением.

— Слава Тому, Кто Наверху, — продолжил старик, — теперь один из нас на высокой должности. Мы не собираемся просить его приносить свой заработок и делить его между нами. Он может помочь вот в таких маленьких делах. Будет ошибкой не попросить его. Неужели мы убьем змею и понесем ее в руках, когда у нас есть сумка, куда можно положить что-нибудь длинное?

И старик сел.

– Твои слова хороши, – заметил президент. – Мы тоже думали об этом. Но сначала нужно дать юноше время осмотреться и разобраться, что к чему.

Собрание гулом поддержало президента.

– Дайте юноше время.

– Пусть устроится как следует.

Оби чувствовал себя, как на сковородке, хотя знал, что у земляков благие намерения. Наверное, не так уж трудно будет с ними справиться.

Следующим пунктом повестки дня было предложение попенять президенту и исполнительным органам за неподобающую встречу Оби. Оби был поражен. Он-то полагал, что его встретили прекрасно. Но так вовсе не считали трое молодых людей, которые внесли предложение. И, как выяснилось, еще десять человек. Их недовольство заключалось в том, что они не получили ни одной из двух закупленных дюжин бутылок пива. На них наложили лапу верхушка и старейшины, оставив молодежи два бочонка кислого пальмового вина. Как всем было прекрасно известно, лагосское пальмовое вино – это вообще не вино, а вода, – жутко разбавлено.

Обвинение вызвало оживленный обмен крепкими словечками, занявший почти час. Президент назвал молодых людей «неблагодарными пустышками, которые только и умеют, что портить праздник». Один из них заявил, что безнравственно тратить общественные деньги на покупку пива для утоления

частной жажды. Слова были суровыми, но Оби показалось, им не хватило эмоций, особенно потому, что это были английские слова, прямо из сегодняшних газет. Когда препирательства закончились, президент объявил, что их почетный сын Оби Оконкво желает сказать несколько слов. Это было встречено с большой радостью.

Оби встал и поблагодарил всех за то, что они провели такое полезное собрание, ведь разве не говорил псалмопевец, что хорошо и приятно жить братьям вместе?

– У наших отцов тоже есть присловье, что опасно жить по отдельности. Они говорят, это путь змеи. Если бы все змеи жили в одном месте, кто бы приблизился к ним? Но они живут каждая по отдельности и поэтому становятся легкой добычей человека.

Оби понял, что произвел хорошее впечатление. Слушатели кивали и вставляли уместные замечания. Конечно, речь была заготовлена, но не прозвучала тщательно отрепетированной.

Он говорил о восхитительной встрече, которую ему устроили соотечественники.

– Если человек возвращается из дальних странствий и никто не говорит ему *нно*, он чувствует, что как бы и не приезжал.

Оби попытался симпровизировать шутку про пиво и пальмовое вино, но она не удалась, и он торопливо перешел к следующему пункту, поблагодарив собравшихся за жерт-

вы, что они принесли, отправив его в Англию. Он сделает все возможное, чтобы оправдать их доверие. В речь, начавшуюся полностью на ибо, теперь подмешивался и английский. Тем не менее аудитория вроде находилась под сильным впечатлением. Здесь любили хороший ибо, однако восхищались и английским. Под конец Оби вывернул на главное.

– Я хотел бы обратиться к вам с небольшой просьбой. Как вы понимаете, требуется время, чтобы после четырехлетнего отсутствия устроиться. Мне нужно решить множество проблем. Просьба моя состоит в том, чтобы вы дали мне четыре месяца отсрочки, прежде чем я начну выплачивать ссуду.

– Это мелкая проблема, – заметил кто-то. – Четыре месяца – небольшой срок. Долг может заплесневеть, но никогда не сгниет.

Да, проблема мелкая. Однако было видно, что так думают далеко не все. Оби даже услышал, как кто-то спросил, что он собирается делать с теми большими деньгами, которые платит ему правительство.

– Твои слова очень хороши, – наконец взял слово президент. – Не думаю, что кто-то здесь ответит на твою просьбу «нет». Мы дадим тебе четыре месяца. Я могу говорить от имени Умуофии?

– Да-а! – слышались голоса.

– Но я хотел бы сказать тебе пару слов. Ты очень молод, ты сын вчерашнего дня. Ты учен. Однако ученость одно, а опыт другое. И потому я дерзну обратиться к тебе.

У Оби часто забилося сердце.

– Ты один из нас, и мы должны направить на тебя наши помыслы. Я прожил в этом Лагосе пятнадцать лет. Приехал сюда в августе шестого числа тысяча девятьсот сорок первого года. Лагос – дурное место для молодого человека. Соплазнишься его прелестями – погибнешь. Может быть, ты спросишь, почему я все это говорю? Я знаю, сколько правительство платит высокопоставленным чиновникам. То, что ты получаешь в месяц, кое-кто из твоих братьев здесь получает в год. Я уже сказал, мы дадим тебе четыре месяца. Можем даже год. Но окажем ли мы тебе тем самым услугу?

Ком встал у Оби в горле.

– Того, что правительство платит тебе, более чем достаточно, если только ты не вступишь на дурной путь.

– Боже упаси! – раздались несколько голосов.

– Мы не можем позволить себе ходить дорогами зла, – продолжил президент. – Мы первопроходцы, укрепляем наши семьи и город. А тот, кто строит, вынужден лишать себя многих удовольствий. Мы не должны пить, потому что видим, как пьют наши соседи, или бегать за женщинами только потому, что встает наш орган. Ты можешь спросить меня, зачем я все это говорю. Я слышал, ты якшаешься с девушкой сомнительного происхождения и даже подумываешь о том, чтобы на ней жениться.

Оби вскочил, его трясло от негодования. В такие минуты ему всегда не хватало слов.

– Пожалуйста, сядьте, мистер Оконкво, – спокойно произнес президент.

– Сесть? Да что вы такое говорите? – крикнул Оби по-английски. – Чепуха какая-то! Я могу подать на вас в суд за это... за то, что... за...

– Вы можете подать на меня в суд, когда я закончу.

– Я не собираюсь больше вас слушать. Я отзываю свою просьбу. Начну выплачивать ссуду в конце этого месяца. Сейчас, сию же минуту! Только не вмешивайтесь в мои дела. И если вы собрались для этого, – прокричал он на ибо, – можете отрезать мне ноги, если вы еще их здесь увидите.

Оби рванул к выходу. Многие попытались перехватить его.

– Пожалуйста, сядь.

– Успокойся.

– Это не ссора.

Все говорили одновременно. Растолкав земляков, Оби убежал и, ничего не видя, остановился около машины. За ним, умоляя вернуться, увязались человек десять.

– Пошел! – крикнул он водителю, сев в машину.

– Оби, пожалуйста! – кричал Джозеф, с жалким видом высунувшись из окна.

– Поехали!

Машина тронулась. На полпути в Айкойи Оби велел шоферу развернуться и ехать обратно в Лагос, к дому Клары.

Глава 9

Перспектива совместной работы с мистером Грином и мистером Омо казалась Оби не самой радужной, однако вскоре он обнаружил, что все не так уж и плохо. Начать с того, что ему выделили кабинет, который он занимал на пару с привлекательной англичанкой, секретаршей мистера Грина. Оби очень редко встречал мистера Омо, а мистера Грина видел, только когда тот забежал пролаять приказ ему или мисс Мэри Томлинсон.

– Странный, правда? – заметила однажды мисс Томлинсон. – Хотя вообще-то неплохой человек.

– Конечно, – кивнул Оби.

Он знал, многие секретари посажены для того, чтобы шпионить за африканцами. Однако тактика заключалась в том, чтобы делать вид, будто они крайне дружелюбны и открыты. Приходилось следить за тем, что говорит. Не то что Оби было очень важно, знает мистер Грин или нет, что он о нем думает. Ему бы следовало знать. Но Оби не улыбалось, чтобы тот узнал это через своего *agent provocateur*.

Однако недели шли, и бдительность Оби потихоньку становилась, как у них говорили, «мала-мала». Как-то утром к нему на работу явилась Клара. Ей нужно было что-то сообщить. Мисс Томлинсон несколько раз слышала ее голос по телефону и отметила его привлекательность. Оби предста-

вил их и был несколько удивлен искренней радостью англичанки. Когда Клара ушла, оставшуюся часть дня та только и говорила что о его невесте.

– Какая красавица! Вы счастливчик! Когда вы поженились? На вашем месте я просто не смогла бы ждать, – и так далее и тому подобное.

Оби чувствовал себя нескладным школьником, которого впервые похвалили за то, что он сделал нечто необычайно умное. Мисс Томлинсон представала ему в ином свете. Если это и была часть тактики, то весьма хитрая, за что секретарша заслуживала уважения. Но ее слова звучали искренне. Создавалось впечатление, что они идут прямо от сердца.

Зазвонил телефон, и мисс Томлинсон сняла трубку:

– Мистер Оконкво? Да, верно. Передаю ему трубку. Мистер Оконкво, вас.

У них с Оби были спаренные телефоны. Он решил, что звонит Клара, но это был лишь администратор снизу.

– Джентльмен? Пожалуйста, пусть поднимется. Он хочет меня поговорить? Хорошо, иду. Да, сейчас.

Джентльмен был в тройке, в руках зонт. Несомненно, только-только из Англии.

– Доброе утро. Меня зовут Оконкво.

– Меня зовут Марк. Здравствуйте.

Они обменялись рукопожатием.

– Я зашел посоветоваться с вами об одном деле... личном-полуофициальном.

– Давайте пройдем в мой кабинет.

– Большое спасибо.

Оби показывал дорогу.

– Вы недавно вернулись в Нигерию? – спросил он, когда они поднимались по лестнице.

– Уже полгода.

– Понимаю. – Оби открыл дверь. – После вас.

Переступив порог, мистер Марк резко остановился, как будто увидел змею. Но он быстро взял себя в руки, прошел в кабинет и, широко улыбнувшись, поздоровался с мисс Томлинсон.

– Доброе утро.

Оби придвинул к своему столу еще один стул, и мистер Марк сел.

– Что я могу для вас сделать?

К его удивлению, мистер Марк ответил на ибо:

– Если не возражаете, станемте говорить на ибо? Я не знал, что у вас тут европейцы.

– Как вам будет угодно. Я и не думал, что вы ибо. В чем ваше затруднение? – Он пытался говорить непринужденно.

– Ну что ж, дело вот в чем. Моя сестра недавно получила аттестат средней школы первой степени. Она хочет обратиться в Федеральный департамент образования, чтобы получить стипендию для обучения в Англии.

Хотя посетитель говорил на ибо, слова «аттестат» и «образование» были произнесены по-английски, очень тихо.

– Вам нужны образцы анкет? – спросил Оби.

– Нет-нет, нет, они у меня есть. Но дело вот в чем. Мне сказали, вы являетесь секретарем комиссии по образованию, и я решил, что мне нужно с вами поговорить. Мы оба ибо, и я не могу ничего от вас скрывать. Послать анкеты, все это прекрасно, но вы же знаете нашу страну. Если не побеседуете с людьми...

– В данном случае вовсе не обязательно с кем-либо беседовать. Единственное...

– Вообще-то я хотел зайти к вам домой, но человек, который рассказал мне о вас, не знал, где вы живете.

– Простите, мистер Марк, но я в самом деле не понимаю, к чему вы ведете.

К ужасу мистера Марка, Оби произнес это по-английски. Мисс Томлинсон наострила уши, как собака, которая не вполне уверена, действительно ли разговор идет о косточках.

– Простите... м-м... мистер Оконкво. Не поймите меня неправильно. Я знаю, это не то место, чтобы...

– По-моему, нет смысла продолжать разговор, – опять по-английски сказал Оби. – Если вы не против, у меня довольно много дел.

Он встал. Мистер Марк тоже поднялся, пробормотал какие-то извинения и направился к выходу.

– Он забыл свой зонт, – сказала мисс Томлинсон, когда Оби вернулся к столу.

– Господи!

Он схватил зонт и выбежал из кабинета.

Мисс Томлинсон сгорала от любопытства, что скажет Оби, когда вернется, но тот просто занял свое место и раскрыл папку, как будто решительно ничего не случилось. Он видел, как она на него смотрит, и нахмурился, делая вид, будто сосредоточен.

– Коротко и ясно, – заметила мисс Томлинсон.

– О да. Неприятный человек.

Оби не поднял головы, и разговор оборвался.

Все утро у него почему-то было приподнятое настроение. Немного похоже на чувство, возникшее несколько лет назад в Англии, после первой женщины. Та лаконично объяснила, для чего согласилась прийти к нему домой. «Я научу тебя танцевать африканский хайлайф», – сказал он. «Классно, – кивнула она, – а может, и не только африканский». И игриво улыбнулась. Когда она явилась, Оби испугался. Он слышал, что можно разочаровать женщину. Но он ее не разочаровал и, когда все закончилось, пришел в странно приподнятое настроение. Женщина призналась, что ей показалось, будто на нее напал тигр.

После встречи с мистером Марком он опять почувствовал себя тигром. Первое свое сражение Оби выиграл одной левой. Все говорили, тут выиграть невозможно. Мол, от тебя ждут, что за оказанную услугу ты примешь от человека «кола», и, пока не примешь, тот не успокоится. Он будет как неопытный птенец коршуна, ставивший утенка. Мать веле-

ла отнести его обратно, потому что утка, видите ли, ничего не сказала, не подняла шума, а просто ушла. «В таком молчании таится серьезная опасность. Пойди и принеси цыпленка. Курицу мы знаем. Она покричит, поругается, тем все и кончится». Человек, которому ты оказал услугу, не поймет, если ты ничего не объяснишь, не поднимешь шума, а просто уйдешь. Можно нарваться на более серьезные неприятности, если отказаться от взятки, чем если принять ее. Разве государственный министр не сказал – правда, в беспечную минуту, под алкогольными парами, – что беда не в том, чтобы взять взятку, а в том, чтобы не сделать то, за что ее дали? А если откажешься, откуда тебе знать, что ее от твоего имени не примет твой «брат» или «друг», говоря всем и каждому, что он твое доверенное лицо? Все это чушь, ерунда! Легко держать руки чистыми. Для этого нужно всего-то-навсего уметь ответить: «Простите, мистер такой-то, но я не могу продолжать этот разговор. Хорошего дня». Не следует, конечно, проявлять излишнего высокомерия. Да, в конце концов, искушение и не было непреодолимым. Хотя, при всей скромности, нельзя сказать, что оно было и таким уж незначительным. Оби все больше убеждался в том, что невозможно прожить на оставшееся от его сорока семи фунтов после того, как он двадцать выплатил Прогрессивному союзу Уму-офии, а десять отослал родителям. Оби не имел ни малейшего представления, откуда взять школьный взнос за Джона на следующую четверть. Нет, никак нельзя сказать, что деньги

ему не нужны.

Закончив обед, состоявший из толченого ямса и супа эгу-си, Оби лег на диван. Суп – с ямсом, свежей рыбой – удался на славу, и он переел. Наевшись толченым ямсом, он почувствовал себя удавом, проглотившим козу. Оби беспомощно растянулся в ожидании, когда переварится хотя бы часть съеденного и к нему вернется способность дышать.

На улице остановилась машина. Он решил, что это кто-то из пяти жителей его блока на шесть квартир. Оби никого не знал по имени и только кое-кого в лицо. Все европейцы. Примерно раз в месяц он сталкивался с одним – высоким человеком, служившим в департаменте почты и телеграфа и жившим на том же этаже в квартире напротив. Но их разговоры не были связаны с тем, что они жили на одном этаже. Сосед отвечал за общий сад и каждый месяц собирал со всех по десять шиллингов шесть пенсов на оплату мальчишки-садовника. Поэтому его Оби хорошо знал в лицо. И еще одного из верхних жильцов, который каждую субботу приводил домой африканских проституток.

Водитель машины опять включил мотор. Несомненно, такси, потому что только таксисты так заводят мотор. В дверь Оби тихо постучали. Кто бы это мог быть? Клара сегодня вечером работает. Джозеф? Он уже несколько месяцев старался вернуть благословенную долю симпатий Оби, которую потерял на том злополучном собрании Прогрессивного союза Умуофии. Его преступление состояло в том, что он

по секрету рассказал президенту о помолвке Оби с девушкой *осу*. Джозеф умолял о прощении: он сделал это только в надежде, что президент, отец народа Умуофии в Лагосе, использует свое положение и урезонит Оби в частном разговоре. «Ладно, – сказал ему Оби. – Забыли». Но не забыл. Он перестал навещать Джозефа. А Клара вообще не желала его видеть. Иногда Оби поражался и пугался силе ее ненависти, зная, как нравился ей Джозеф раньше. А теперь он вдруг стал скользким, завистливым, чуть не способным отравить Оби. Тот случай, как ванна с пальмовым вином при начинающейся кори, вынес на поверхность всю омерзительную сыпь.

Нахмурившись, Оби открыл дверь. Вместо Джозефа на пороге стояла девушка.

– Добрый вечер, – поздоровался он, моментально преобразившись.

– Мне нужен мистер Оконкво, – сказала девушка.

– Вы с ним и говорите. Пожалуйста, проходите. – Оби даже удивился своей внезапной резвости. В конце концов, он совсем не знает эту девушку, хотя она и симпатичная. Он сбавил тон: – Прошу вас, садитесь. Кстати, мне кажется, мы раньше не встречались.

– Нет. Я Элси Марк.

– Рад знакомству, мисс Марк.

Она обворожительно улыбнулась, показав ряд безупречных белоснежных зубов. Между двумя передними была

небольшая щербинка, как у Клары. Оби слышал, что девушки с такой щербинкой между зубами очень горячие. Он сел и, хотя не был смущен, как обычно при общении с девушками, все-таки не знал, как вести себя дальше.

– Вас, наверное, удивил мой визит. – Мисс Марк перешла на ибо.

– Я не знал, что вы ибо.

И едва Оби это произнес, вспыхнула молния. Все, что оставалось от непринужденности, исчезло. Девушка, похоже, заметила перемену в выражении его лица, а может, движение рук. Она перестала смотреть ему в глаза, говорила запинаясь, прощупывала скользкую почву, осторожно ставя ногу, прежде чем перенести на нее вес всего тела.

– Простите, что мой брат приходил к вам на работу. Я говорила ему, не надо было этого делать.

– Да все в порядке, – неожиданно для себя ответил Оби. – Я сказал ему, что... м-м... с вашим аттестатом первой степени у вас очень хорошие шансы. Все зависит от вас, поверьте, какое впечатление вы произведете на членов комиссии во время собеседования.

– Самое главное, – вставила девушка, – чтобы меня отобрали для собеседования...

– Да. Но, как я уже сказал, ваши шансы не хуже, чем у других.

– Однако бывает, что соискателей с первой степенью отодвигают, предпочитая им тех, у кого вторая или даже третья.

– Несомненно, это может случиться. Но во всех остальных отношениях шансы равны. Простите, я ничего вам не предложил. Плохой хозяин. Могу я принести вам кока-колу?

Она робко улыбнулась одними глазами.

– Да.

Оби ринулся к холодильнику и, достав бутылку, долго открывал ее и наливал в стакан. Он лихорадочно думал.

Девушка взяла стакан с благодарной улыбкой. Ей, наверно, семнадцать или восемнадцать. Совсем еще девочка, решил Оби. А уже такая мудрая в мирских делах. Они долго молчали.

– В прошлом году, – наконец сказала гостя, – ни одна из девушек с аттестатом первой степени не получила стипендии.

– Может быть, они не произвели должного впечатления на комиссию.

– Дело не в этом. А в том, что не навестили никого из членов комиссии.

– Значит, вы намерены повидаться с членами комиссии?

– Да.

– Вам так важна эта стипендия? Может, родственники заплатят за ваше обучение в университете?

– Отец все деньги потратил на брата. Тот поехал изучать медицину, но провалился на экзаменах. Тогда он решил стать инженером и опять провалился. Брат провел в Англии двенадцать лет.

– Это тот, кто приходил ко мне сегодня? – Девушка кивнула. – И чем он зарабатывает на жизнь?

– Преподает в средней школе общины. – Мисс Марк вдруг погрузилась. – Вернулся в конце прошлого года, потому что умер наш отец и у нас совсем не осталось денег.

Оби стало жаль ее. Девушка, несомненно, умная, которой, как и многим нигерийкам, хотелось получить университетское образование. Кто кинет в них за это камень? Уж точно не Оби. Было ханжеством спрашивать, так ли уж все это важно или стоит ли оно университетского образования. Каждый нигериец знал ответ. Стоит.

Университетский диплом как философский камень. Он превращает клерка третьего класса, получающего сто пятьдесят в год, в высокопоставленного чиновника с зарплатой в пятьсот семьдесят, машиной и роскошно обставленным жильем по номинальной стоимости. И разница в жалованье и жизненных удобствах далеко не все. Чтобы стать настоящим европейцем, «европейская должность» – дело второстепенное. Диплом возвышает человека над толпой, открывая доступ к элите, представители которой ведут на приемах непринужденные разговоры: «Вы довольны своей машиной?»

– Пожалуйста, мистер Оконкво, вы должны мне помочь. Я сделаю все, что попросите.

Она не смотрела ему в глаза. Голос ее слегка дрожал, и Оби показалось, он увидел навернувшиеся слезы.

– Мне, право, очень, очень жаль, однако я не понимаю, как могу обещать вам что-либо.

На улице раздался скрип тормозов, и в квартиру, как обычно, напевая популярную песенку, ворвалась Клара. Увидев девушку, она остановилась как вкопанная.

– Привет, Клара. Это мисс Марк.

– Здравствуйте, – чопорно поздоровалась Клара, едва кивнув и не подав руки. – Как тебе понравился суп? – спросила она Оби. – Боюсь, я готовила его в спешке.

Этими двумя короткими фразами она попыталась растолковать пару обстоятельств, которые следовало уяснить незнакомке.

Во-первых, тонким, не нигерийским акцентом Клара показала, что училась в Англии. Впрочем, об этом можно было догадаться не только по произношению, но и по походке – не обычная неторопливая, вразвалку, а быстрые, короткие шаги. В компании менее удачливых сестер Клара всегда находила повод сказать: «Вот когда я была в Англии...» А во-вторых, хозяйские манеры должны были дать понять девушке: «Тебе лучше поискать в другом месте».

– Я думал, у тебя вечерняя смена.

– Вовсе нет. Сегодня я свободна.

– Почему ты тогда сварила суп и ушла?

– Накопилось много стирки. Ты не хочешь предложить мне чего-нибудь выпить? Ладно, возьму сама.

– Прости, дорогая. Садись. Я принесу.

– Нет, поздно. – Клара прошла к холодильнику и достала имбирное пиво. – А что случилось со вторым имбирным пивом? Было две бутылки.

– По-моему, одну ты выпила вчера.

– Разве? Ах да, вспоминаю. – Она вернулась и тяжело опустилась на диван рядом с Оби. – Уф, какая жара!

– Думаю, мне пора, – и мисс Марк встала.

– Простите, что не могу обещать вам ничего определенного, – сказал Оби, вставая.

Она не ответила, только печально улыбнулась.

– Как вы доберетесь до города?

– Может, найду такси.

– Я подброшу вас до площади Тинубу. Здесь такси редкость. Поехали, Клара, подвезем девушку до Тинубу.

– Мне жаль, что я пришла так некстати, – съязвила Клара, когда они возвращались в Айкойи с площади Тинубу.

– Перестань валять дурака. Что ты хочешь сказать этим «некстати»?

– Ты думал, что я на работе. – Она рассмеялась. – Мне жаль. А все-таки, кто она? Кстати, она очень хорошенькая. А я пришла и сыпанула песка в твой *гарри*. Прости, дорогой.

Оби попросил ее не глупить.

– Я больше ни слова не скажу, если ты не замолчишь.

– И не нужно ничего говорить. Заедем к Сэму, поздороваемся?

Когда они вошли, министра не оказалось дома. Выясни-

лось, что он на заседании кабинета министров.

– Мастер и мадам что выпить? – спросил слуга.

– Ничего, Самсон. Просто говори министру, мы заходили.

– Вы вернуться?

– Не сегодня.

– Вы сказали вы не выпить ничего?

– Нет, спасибо. Выпить, когда опять придем. Пока.

Когда они вернулись домой к Оби, он сказал:

– Сегодня у меня был очень интересный опыт.

И Оби поведал о визите к нему на работу мистера Марка и подробно доложил обо всем, что произошло между ним и мисс Марк до прихода Клары.

Когда он закончил, Клара какое-то время задумчиво молчала.

– Довольна? – поинтересовался Оби.

– Полагаю, ты был слишком суров с этим человеком, – заметила она.

– Ты считаешь, я должен был навести его на разговор о взятке?

– Все-таки предлагать деньги не так плохо, как предлагать тело. А ей ты, тем не менее, налил колу и довез до города. – Клара рассмеялась. – Такой есть мир.

Оби удивился.

Глава 10

Год назад мистер Грин проявил неожиданный интерес к личным делам Оби, если, конечно, это можно назвать интересом. Оби как раз пригнали новую машину.

— Вы должны помнить, — сказал начальник, — что отныне каждый год в это время будете вынуждены выкладывать сорок фунтов за страховку. — Прозвучало это как глас Иоиля, сына Вафуила. — Не мое дело, конечно, но в стране, где даже образованный человек не достиг еще той ступени, чтобы думать о завтрашнем дне, я просто обязан предупредить.

Слова «образованный человек» он будто выплюнул. Оби поблагодарил его за совет.

И вот этот судный день настал. Письмо о продлении страховки Оби разложил перед собой на столе. Сорок два фунта! На счету у него оставалось чуть больше тринадцати. Он сложил письмо и сунул в один из ящиков, где хранил личные мелочи вроде почтовых марок, рецептов и ежеквартальных выписок о состоянии банковского счета. Ему бросилось в глаза письмо, написанное полуграмотной рукой. Оби вытащил его и еще раз прочитал.

«Уважаемый сэр!

Мои дела очень плачевны поэтому должен просить вас со всем уважением дать мне помощь. С одной стороны мне

смотреть стыдно что прошу помощь, но если только честно с собой, правда я хочу так как очень надо. Пожалуйста простите меня. Мой просьба на вам 30.00 (тридцать шиллинг). Заверяя вас по всей правде вернуть быстро, в день когда зарплата.

26 ноябрь 1957,

Ваш преданный слуга

Чарлз Ибе».

Оби напрочь забыл об этом. Нечего удивляться, что теперь Чарлз постоянно заходил в его кабинет переброситься парой фраз на ибо. Этот человек был посыльным в департаменте. Оби спросил, что у него за нужда, и он ответил, что жена только-только родила пятого ребенка. Оби, который обычно носил с собой около четырех фунтов, сразу отсчитал ему тридцать шиллингов и совсем об этом забыл – до сего дня. Он послал за Чарлзом и спросил его на ибо (чтобы не поняла мисс Томлинсон), почему тот не сдержал обещания. Чарлз почесал в затылке и повторил обещание, на сей раз продлив срок до конца декабря.

– Мне будет трудно доверять тебе в будущем, – заметил Оби по-английски.

– О нет, *Oga*, хозяин. Я не попрошай. Конец месяца плачу. – И перешел на ибо. – У нас говорят, что долг может заплесневеть, но никогда не сгниет. В этом департаменте много людей, но я не пошел к ним. Я пришел к вам.

– Весьма любезно с твоей стороны, – усмехнулся Оби, прекрасно понимая, что собеседник не оценит его тонкой иронии. Так и вышло, не оценил.

– Да, здесь много людей, но я к ним не пошел. Вы мой хозяин, я вас очень уважаю. У нас говорят, малое дерево пристраивается к большому и ползет у того по спине, чтобы пробиться к солнцу. По годам вы юноша, но...

– Ладно, Чарлз. Конец декабря. Если не сдержишь слово, мне придется доложить мистеру Грину.

– Ах! Я сдержишь. Если я подведу моего *Oga*, куда пойти следующий раз?

И на этой риторической ноте в истории была поставлена точка с запятой.

Оби еще раз просмотрел письмо и, мрачно усмехнувшись, обратил внимание, что изначально автор написал: «Мой просьба на вам всего 30.00 (тридцать шиллинг)», а затем, несомненно, хорошенько поразмыслив, зачеркнул «всего».

Он убрал письмо обратно в ящик, решив посвятить вечер требованию страхового взноса. Тут ничего больше не оставалось, как пойти завтра утром в банк и попросить у управляющего повысить кредитный лимит до пятидесяти фунтов. Ему рассказывали, что высокопоставленному чиновнику, жалование которого переводится на банковский счет, подобное повышение получить довольно легко. В данный момент все равно больше ничего не придумать. При сложившихся обстоятельствах установка Чарлза весьма здравая. Если не сме-

ешься, то придется плакать. Как будто вся Нигерия построена по этому принципу.

Но никакая доза философии не могла надолго отвлечь Оби от этого письма. «Никто не вправе утверждать, что я расточителен. Если бы я в конце прошлого месяца не послал тридцать пять фунтов на лечение матери в частном госпитале, у меня был бы порядок. Ну, если не полный порядок, то я хотя бы был на плаву. Ладно, выкручусь, – убеждал он себя. – Вначале всегда непросто. Как у нас говорят? Плакать трудно только начать. Не самая веселая поговорка, но верная».

Если бы Прогрессивный союз Умуофии предоставил ему четыре месяца отсрочки, все могло сложиться иначе. Но это уже старая история. Оби помирился с Союзом. Было совершенно ясно, что они не желали ему дурного. А если бы даже и желали, то ведь гнев сородича на сородича, как сказал президент во время примирения, проникает в плоть, но не в кость. Разве не так? Союз очень просил его согласиться на отсрочку в четыре месяца, начиная с сегодняшнего дня, но он отказался, солгав, будто обстоятельства удачно изменились.

А если рассуждать объективно – как если бы речь шла о ком-то другом, не о нем, – разве можно пенять бедным людям за то, что они осудили высокопоставленного чиновника, который, как им показалось, не захотел выплачивать двадцать фунтов в месяц? Они наложили на себя немилосердную дань, собрав восемьсот фунтов, чтобы отправить его в

Англию. Некоторые зарабатывали не больше пяти фунтов в месяц. А он получал почти пятьдесят. У них есть жены и дети, которые учатся в школе. У него нет.

После уплаты двадцати фунтов у Оби оставалось тридцать. А очень скоро появится прибавка, она одна будет, как заработная плата у многих. Оби признавал: у этих людей есть своя правда. Но они не знали того, что потрудиться в поте лица, в слезах, дабы их сородич вошел в блистательную элиту, недостаточно. Они должны еще удержать его там. Да, они сделали его членом закрытого клуба, где приветствуют друг друга вопросом: «Вы довольны своей машиной?» Неужто они ожидали, что он станет отвечать: «Простите, но я не езжу на машине. Понимаете, не смог уплатить страховой взнос»? Ведь это означало выкинуть немыслимый фортель. Почти как если бы дух с маской на лице в общине ибо сказал на приветствие посвященных: «Прости, приятель, но я не понимаю твоего странного языка. Я всего лишь человеческое существо, которое надело маску». Нет, это просто невозможно.

Народ ибо с его высокими представлениями о порядочности создал поговорку о том, что нельзя просить человека со слоновой болезнью мошонки заболеть еще и оспой, когда тысячи других не знают и мелких недугов. Несомненно, нельзя. Однако случается. Такой есть мир, — как говорят.

Договорившись в банке о превышении кредитного лимита

та до пятидесяти фунтов и забежав в страховую компанию, чтобы сразу же их отдать, Оби вернулся на работу, где обнаружил ноябрьский счет за электричество. Распечатав его, он едва не закричал. Пять фунтов семь шиллингов и три пенса.

– Что-нибудь случилось? – спросила мисс Томлинсон.

– А? Нет, ничего. – Он взял себя в руки. – Просто мой счет за электричество.

– И сколько вы расходуете в месяц?

– Этот на пять фунтов семь и три.

– Здешние тарифы на электричество – чистый грабеж. В Англии вы бы заплатили меньше за целый квартал.

Но Оби было не до сравнений. Неожиданный удар после получения письма из страховой компании заставил его осознать реальную финансовую ситуацию. Он прикинул перспективу на ближайшие несколько месяцев и нашел ее весьма тревожной. В конце месяца ему предстоит продлевать водительские права. На год даже не обсуждалось, но продление только на квартал обойдется в четыре фунта. Потом колеса. Может, он и протянет еще месячишко, но, вообще-то, они уже мягкие, как тюбик зубной пасты. Все считали странным, что первые колеса не продержались два или хотя бы полтора года. О покупке новых шин за тридцать фунтов и думать нечего. Значит, придется вулканизировать те, что есть, по одной, начиная с запаски в багажнике. Это снизит стоимость наполовину. Они продержатся не более полугода, так сказала мисс Томлинсон. Полгода – достаточный срок, чтобы си-

туация немного выправилась. Никто не обращался к нему в связи с налогами на доход. Это еще впереди, но не в ближайшие два месяца.

Пообедав, Оби принялся вводить меры решительной экономии в квартире. Новый бой, Себастьян, смотрел на него и, наверное, думал, что это нашло на хозяина? Обед Оби начал с того, что пожаловался на слишком большое количество мяса в супе.

– Знаешь, я не миллионер, – сказал он.

«Клара, когда сама варит суп, берет в два раза больше мяса», – подумал Себастьян.

– И впредь я буду выдавать тебе деньги на рынок только раз в неделю.

Каждый выключатель в квартире работал на две лампочки. Оби принялся их выкручивать. Теперь правилом стало: один выключатель – одна лампочка. Он часто удивлялся, зачем в ванной и в туалете по две лампочки. Типичное планирование правительства. На бетонной лестнице в парадном вообще не было света, и люди часто сталкивались или поскользывались на ступенях. А в туалете, где никому неохота разглядывать, чем он там занимается, две лампочки.

Управившись с лампочками, Оби опять обратился к Себастьяну:

– Нагреватель воды больше не включаем. Я хочу принимать холодный душ. Холодильник выключать в семь часов вечера и включать в полдень. Понял?

– Да, сэр. А мясо не запортится?

– Не нужно покупать много зараз.

– Да, сэр.

– Купи сегодня немного. Когда доедим, купишь опять немного.

– Да, сэр. Только вы говорили ходить за рынок раз на неделю.

– Ничего подобного я не говорил. Я сказал, что буду давать тебе деньги раз в неделю.

До Себастьяна наконец дошло.

– То же самое. Вы не дашь мне деньги два раза. Вы дашь мне сейчас один раз.

Оби понимал, что абстрактными рассуждениями многого он не добьется.

Вечером у него состоялся серьезный разговор с Кларой. Оби не хотел рассказывать ей о превышении кредитного лимита, но, едва увидев его, она спросила, что случилось. Он попытался отговориться какими-то пустяками, однако ничего заранее не обдумал, и получилось неубедительно. Клара выуживала из него информацию своеобразным методом: она не спорила, а замолкала. А поскольку, когда они бывали вместе, три четверти времени говорила она, молчание скоро становилось непереносимым. В таких случаях Оби обычно спрашивал ее, что случилось, и это, как правило, служило ей прелюдией к тому, чтобы делать все, что душе угодно.

– Почему ты мне не сказал? – удивилась Клара, когда он

изложил ей историю с банком.

– Не было необходимости. Я выплачу кредит в рассрочку за пять месяцев.

– Дело не в этом. Ты просто не считаешь нужным рассказывать мне о своих трудностях.

– Никакая это не трудность. Я бы и не рассказал, если бы ты не надавила.

– Ясно.

Клара пересекла комнату, подняла лежавший на полу женский журнал и стала читать. Через несколько минут Оби с деланой легкостью заметил:

– Невежливо читать, когда у тебя гости.

– Тебе следовало бы знать, что я плохо воспитана.

Любой намек на семью Клары был сопряжен с большим риском и часто приводил к слезам. Вот и теперь глаза у нее увлажнились.

– Клара, – сказал Оби, обнимая ее. Она напряглась как струна. – Клара.

Она не ответила, продолжая машинально перелистывать страницы журнала.

– Я не понимаю, почему ты хочешь поссориться.

Ни звука.

– Наверно, я лучше пойду.

– Наверно.

– Клара, прости.

– За что? Оставь меня, *оджаре*. – И она оттолкнула его

руку.

Оби посидел еще несколько минут, уставившись в пол, а потом резко вскочил.

– Ладно.

Клара осталась сидеть, переворачивая страницы.

– Пока.

– До свидания.

Вернувшись домой, он велел Себастьяну не готовить ужин.

– Я уже сейчас делаю.

– Значит, остановись! – крикнул Оби и прошел в спальню.

Какое-то время он стоял, глядя на фотографию Клары на туалетном столике, затем положил ее лицом вниз и принялся раздеваться. Натянул через голову накидку и вернулся в гостиную за какой-нибудь книгой. Поводил взглядом по полкам, так и не решив, что бы почитать. Наконец остановился на «Сборнике стихотворений» А. Э. Хаусмана. Оби снял книгу с полки и вернулся в спальню. Взяв фотографию Клары, он снова поставил ее на место и лег на кровать.

Оби открыл книгу там, где из нее торчал лист бумаги – обтрепавшийся, потемневший от пыли. На нем было написано стихотворение «Нигерия»:

Благослови, Господь, отчизну,
Край ослепительного света,

Где, выбрав мирный путь свободы,
Предвосхитили мы победу.
Да сохранится жизни радость,
И чистота сердец, и младость.
Благослови, Господь, всех нас,
Мужчин и женщин, стар и млад,
Страну воздвигнуть на века,
Забывать про рознь и диалекты
И помнить только человека.

Внизу стояла подпись: «Лондон, июль 1955 г.». Оби улыбнулся, вложил лист бумаги обратно в книгу и начал читать свое любимое стихотворение Хаусмана «Пасхальный гимн».

Глава 11

У Оби наладились прекрасные отношения с мисс Томлинсон. Бдительность его «мала-мала» стала ослабевать с того дня, как ее очаровала Клара. Теперь он называл секретаршу Мэри, а она его – Оби.

– На «мисс Томлинсон» недолго и язык сломать, – однажды сказала она. – Почему бы не просто Мэри?

– Я сам хотел предложить. Но вы не просто Мэри. Вы совсем даже не просто.

– О! – воскликнула довольная мисс Томлинсон, склонив голову. – Спасибо. – Она встала и присела в ироничном книксене.

Они открыто говорили о многом. Когда не было срочной работы, Мэри обычно скрещивала руки, облакачивалась на пишущую машинку и оставалась в таком положении до тех пор, пока Оби не отрывал взгляд от бумаг. Обычно темой обсуждений был мистер Грин, или, по крайней мере, с него начиналась беседа. А начавшись, могла принять любое направление.

– Вчера я пила чай у Гринов, – рассказывала мисс Томлинсон. – Знаете, очаровательная пара. Дома он совсем другой. Вам известно, что он оплачивает школьное обучение сыновьям своего слуги? Но об образованных африканцах говорит ужасные вещи.

– Да, – кивал Оби. – Интересный случай для психолога. Чарлз – вы его знаете, посыльный – рассказывал мне, что администратор хотел уволить его за то, что он заснул на работе. Но когда история дошла до мистера Грина, он убрал эти сведения из личного дела Чарлза, объяснив, что бедолага, должно быть, страдает от малярии, и на следующий день купил ему квинарин.

Мэри собиралась поместить на надлежащее место еще один кирпичик в предпринятую ими реконструкцию странного характера мистера Грина, как он послал за ней, поскольку нужно было что-то продиктовать. Она только успела сказать, что мистер Грин ревностный христианин, последователь колониальной церкви.

Оби потребовалось немало времени, чтобы признать: как

бы мистер Грин ни был ему несимпатичен, он, тем не менее, обладал завидными качествами. Вот, например, его верность долгу. И в дождь, и в жару он появлялся на работе за полчаса до начала рабочего дня и часто оставался намного позднее двух или возвращался вечером. Оби этого не понимал. Перед ним был человек, который не верил в страну и, однако, упорно на нее работал. Может, он просто верит в долг как в разумную необходимость? Мистер Грин постоянно откладывал визит к дантисту, поскольку всегда говорил, что у него срочная работа. Он был похож на человека, перед которым стоит огромная, очень важная задача, и ее нужно выполнить раньше, чем грянет катастрофа. Это напоминало Оби Мухаммеда Али Египетского. Он где-то прочитал, что тот в старости отчаянно пытался модернизировать свою страну, прежде чем умрет.

Глядя на Грина, было трудно понять, в чем состоит его цель. Возможно, независимость Нигерии. Рассказывали, что, когда все думали, будто Нигерия получит независимость в 1956 году, он подал прошение об отставке. Тогда этого не произошло, и мистера Грина уговорили забрать прошение.

Весьма любопытный человек, размышлял Оби, рисуя профили на промокашке. Ему никогда не давались воротники. Да, интересный человек. Конечно, любит Африку, но далеко не всю; он любит Африку посыльного Чарлза, Африку своих садовника и слуги. Наверное, ехал сюда с выпестованным идеалом – принести свет в сердце тьмы, племенным охотни-

кам за головами, устраивающим дикие церемонии и соблюдающим мерзкие ритуалы. И вот приехал, а Африка его обманула. И где только его любимый кустарник с человеческими жертвами между ветвями? Святой Георгий на коне, украшенном попоной, тут, а куда подевался дракон? В 1900 году мистер Грин мог влиться в ряды великих миссионеров; в 1935 году ему, скорее всего, пришлось бы ограничиться пощечинами директорам школ в присутствии учеников, но в 1957 году оставалось лишь чертыхаться.

Оби вдруг осенило, он вспомнил Конрада, которого читал, работая над дипломом. «Тренируя нашу волю, мы можем добиться власти неограниченной и благотворной». Таким был Куртц, прежде чем его поглотило сердце тьмы. Потом он писал: «Истребляйте всех дикарей». Конечно, сравнение хромает. Куртц пал жертвой тьмы, Грин – занимающейся зарю. Но их начало и конец тождественны. «Нужно написать роман о драме гринов нашего времени», – подумал Оби, довольный своими выкладками.

Ближе к полудню санитар, взяв на себя роль посыльного, принес ему из больницы маленький пакет – от Клары. У нее был чудесный почерк. Такой женский. Но сейчас Оби о почерке не думал. У него тяжело забилося сердце.

– Можете идти, – сказал он санитару, который ждал ответа.

Оби начал распаковывать пакет и замер – у него задрожали руки. Мэри не было на месте, но она могла вернуться в

любую секунду. Он решил отнести пакет в туалет. Затем ему пришло в голову кое-что получше. Оби выдвинул один из ящиков и стал развязывать пакет в нем. Почему-то, несмотря на размер пакета, он знал, что там его кольцо. А еще деньги! Да, пятифунтовые банкноты. Но кольца Оби не увидел. Он облегченно вздохнул и прочитал маленькую вложенную записку:

«Дорогой!

Прости за вчерашнее. Немедленно сходи в банк и закрой кредит. Увидимся вечером.

Люблю!

Клара».

Его глаза увлажнились. Подняв голову, Оби увидел, что на него смотрит Мэри. Он даже не заметил, как она вошла в кабинет.

– Что случилось, Оби?

– Ничего, – ответил он, выдавив улыбку. – Просто задумался.

Оби осторожно свернул пятьдесят фунтов и положил их в карман. Откуда у Клары столько денег? – с удивлением думал он. Конечно, у нее приличная зарплата, и она училась на медсестру не по стипендии какого-то там Прогрессивного союза. Правда, посылала деньги родителям, но это все. Однако даже так, пятьдесят фунтов – большие деньги.

Всю дорогу из Айкойи до Ябы Оби пытался сообразить, как уговорить ее взять деньги обратно. Он понимал, это будет нелегко, почти невозможно. Но для него вопрос стоял, не как взять у Клары пятьдесят фунтов, а как убедить ее принять их обратно, не обидев. Например, можно сказать, что у него будет идиотский вид, если он берет кредит сегодня и возвращает завтра. В банке решат, что он украл эти деньги. Или попросить ее подержать эти фунты до конца месяца, когда они ему действительно понадобятся. Однако Клара может спросить: «Почему бы тебе не подержать их у себя?» Тогда он ответит: «Я боюсь их истратить».

Всякий раз перед трудным разговором с Кларой Оби заранее его продумывал. Но когда доходило до дела, ситуация неизменно принимала иной оборот. Так было и сегодня. Когда он приехал, Клара гладила белье.

– Сейчас закончу, – улыбнулась она. – Что сказали в банке?

– Были довольны.

– Впредь не веди себя, как глупый малыш. Ты же знаешь пословицу про то, как роют новую яму, чтобы засыпать старую?

– Почему ты доверила такие деньги этому сомнительному человеку?

– Ты про Джо? Он мой хороший друг. Санитар.

– Мне он не понравился. А что за пословица про новую яму?

– Я всегда говорила, тебе нужно учить ибо. Это значит залезать в долги в банке, чтобы оплатить страховку.

– Понятно. Ты предпочитаешь вырыть две ямы, чтобы засыпать одну. Взять в долг у Клары, чтобы заплатить банку, чтобы заплатить страховку.

Клара молчала.

– Не был я в банке. Разве это возможно? Разве я мог взять у тебя такие деньги?

– Пожалуйста, Оби, перестань вести себя, как маленький мальчик. Это всего лишь в долг. Ладно, если не хочешь, верни. Да я целый день про это думала. Как будто я лезу в твои дела. Только одно могу сказать – прости. Деньги у тебя с собой? – Клара выставила руку.

Оби взял ее руку и притянул к себе.

– Пойми меня правильно, дорогая.

Вечером они заехали к другу Оби Кристоферу, экономисту. Кларе он постепенно начинал нравиться. Конечно, слишком резвый, но это не такой уж страшный грех. Однако Клара боялась, что Кристофер может оказать дурное влияние на Оби в плане женщин. Ему, похоже, нравилось крутить романы с четырьмя-пятью одновременно. Он даже сказал однажды, что такой штуки, как любовь, не существует, по крайней мере, в Нигерии. Но Кристофер действительно был симпатичным, в отличие от Джозефа – настоящего бушмена.

Как и следовало ожидать, когда приехали Оби с Кларой, у Кристофера была девушка. Клара ее прежде не видела, хотя

Оби, наверное, с ней встречался.

– Клара, познакомься с Биси, – сказал Кристофер.

Девушки пожали друг другу руки со словами:

– Приятно познакомиться.

– Клара и Оби... ну, они...

– Молчи, – хотела остановить его Клара.

Но это было все равно что попытаться закончить фразу за заику. Лучше побережь силы.

– Они... ну, ты понимаешь, – завершил-таки Кристофер.

– Ты все покупаешь новые пластинки? – спросила Клара, просматривая небольшую стопку на одном из стульев.

– Я? В это время месяца? Это Биси. Что я могу вам предложить?

– Шампанское.

– Вот как? Это тебе пусть купить Оби. Я не дотянуться. Я могу сок.

Все рассмеялись.

– Оби, как насчет пива?

– Если мы с тобой разделим бутылку.

– Отлично. А что вы намерены делать сегодня вечером?

Пошли куда-нибудь потанцуем?

Оби хотел отказаться, но Клара оборвала его. «С удовольствием», – улыбнулась она.

– Хочу кино, – заявила Биси.

– Знаешь, Биси, нам неинтересно, чего ты хочешь. Решаем я и Оби. Это тут Африка, понимай.

Хороший или ломаный английский Кристофера зависел от того, что он говорил, где он говорил, кому и как он говорил. Так пользовались языком, разумеется, большинство образованных людей, особенно в субботу вечером, но Кристофер все же выделялся своим обращением с двойным наследием.

Оби одолжил у него галстук. Это было не очень важно в «Империаде», куда они собрались пойти. Но кому же охота выглядеть уличной шпаной?

– Мы все поместимся в твою машину, Оби? У меня уже давно нет шофера.

– Да, поедем вместе. Хотя будет сложно развозить Биси, Клару, потом тебя. Но неважно.

– Ладно, лучше возьму свою, – решил Кристофер.

И он прошептал на ухо Оби, что, в общем-то, не собирался оставлять у себя Биси на ночь, хотя это и без того было ясно.

– Что ты ему там нашептываешь? – спросила Клара.

– Чисто мужское, – ответил Кристофер.

Перед «Империадом» была совсем небольшая парковка, уже заполненная автомобилями. Поездив взад-вперед, Оби наконец втиснулся между двумя машинами. Им руководили несколько слонявшихся по площадке полуодетых мальчишек.

– Дай я посмотреть твоя машина! – хором прокричали сразу трое.

– Ладно, только посмотреть хорошо, – ответил Оби, не об-

ращаясь ни к кому в особенности. – Запри дверь с твоей стороны, – тихо сказал он Кларе.

– Я смотреть совсем хорошо, сэр! – воскликнул один мальчишка, преграждая путь Оби, чтобы он запомнил его как того, кому после танцев нужно дать три пенса «подачки».

Вообще-то Оби никогда ничего не давал таким малолетним правонарушителям. Но тактически было неправильно заявить об этом сейчас и оставить машину под их присмотром.

Кристофер и Биси уже ждали у входа. Зал, вопреки их предположениям, не был переполнен. Танцплощадка вообще почти пустовала, но только потому, что оркестр играл вальс. Кристофер нашел столик с двумя стульями, и девушки сели.

– Вы же не собираетесь стоять всю ночь, – сказала Клара. – Вели официантам принести стулья.

– Брось, – ответил Кристофер. – Скоро у нас будут стулья. Не успел он договорить, как оркестр грянул хайлайф. Меньше чем за полминуты танцплощадка заполнилась. Те, кого музыка застала со стаканом пива в руке, либо поставили его на стол, либо быстро допили. Недокуренные сигареты, соответственно социальному положению курильщика, были брошены на пол и затоптаны или аккуратно отложены в сторонку с тем, чтобы докурить потом.

Кристофер обошел три-четыре стола спереди и схватил два освободившихся стула.

– Вот жулик! – усмехнулся Оби, беря один.
Биси крутилась на стуле и подпевала солисту:

Чудное платье нейлон.
Модное платье нейлон.
Крошку свою порадууй.
Ей принеси нейлон.

– Так мы пропустим отличный танец, – заметил Оби.
– Пойди, потанцуй с Биси. А мы с Кларой постережем сту-
лья.
– Пошли? – Оби поднялся.
Биси уже встала, взгляд ее устремился куда-то вдаль.

Ты порадууй свою крошку,
Много ей купи нейлона.
И тебя она полюбит
Раз и навсегда.

Потом опять был хайлайф. Как, впрочем, и большинство танцев. Время от времени, чтобы танцоры могли отдохнуть, выпить пива, покурить, оркестр играл вальс или блюз. Следующий танец, пока Оби и Биси стерегли стулья, танцевали Кристофер с Кларой. Однако скоро Оби остался один – Биси пригласили.

Способов танцевать хайлайф существовало столько же, сколько людей на площадке. Но при системном подходе мож-

но было выделить три. Немногочисленные европейцы танцевали, как в немом кино. Они двигались, словно треугольники в танце, предназначенном для окружностей. Кто-то вообще почти не двигался. Мужчина крепко прижимал к себе партнершу – грудь к груди, бедра к бедрам, – так что хай-лайф мог незаметно перейти в другой танец и обратно. И еще была группа активных. Эти танцевали отдельно друг от друга, кружась, извиваясь или выделявая сложные ритмичные движения ногами и туловищем. Будто рабы, которые неожиданно обрели полную свободу. Певец поднес к губам микрофон и запел «Джентльмена Бобби»:

Я играл на гитаре *йе-йе*,
И меня целовала красотка.
Опечалился ейный супруг.
Отволоку ту красотку в сторонку.
Не спускайте с них глаз, с ваших жен.
Берегите, родители, дочек.
За любовью пойдешь хоть куда.
Не вините, любезные, Бобби.

Аплодисменты и крики «Бис! Бис!», которыми была встречена песенка, позволяли предположить, что никто и не думал ни в чем упрекать джентльмена Бобби. Да и за что? Играл себе на гитаре свой *йе-йе*, тихо, спокойно, ненавязчиво, вполне законопослушно, а тут случайная красотка вознамерилась одарить его поцелуями. С какой стороны ни по-

смотри, невинного музыканта упрекнуть не в чем.

Потом был квикстеп. То есть настало время выпить, покурить и вообще прийти в себя. Оби заказал безалкогольные напитки, обрадовавшись, что никто не захотел ничего подороже.

Его заинтересовала компания справа – трое мужчин и две женщины. Одна молчала, зато другая трещала без умолку. Почти прозрачная нейлоновая блузка позволяла рассмотреть новый бюстгальтер. Последний танец она не танцевала, ответив тому, кто хотел ее пригласить: «Нет бензина – нет огня», что явно означало: нет пива, нет и танцев. Тогда этот мужчина подошел к столу Оби и пригласил Биси. Но и тут ему не обломилось. И поскольку у них никто не танцевал, та женщина громко, чтобы всем было слышно, сказала:

– Стол трезвенников.

В два часа, несмотря на возражения Биси, Оби и компания поднялись, чтобы уходить. Кристофер напомнил подруге, что та сначала вообще хотела в кино, которое закончилось в одиннадцать. Биси принялась ворчать, зачем, мол, уходить с танцев, когда все только разгулялись. Тем не менее они ушли. Свою машину Кристофер поставил далеко, и друзья, попрощавшись у выхода, расстались.

Оби отпер ключом дверцу водителя и наклонился, чтобы открыть Кларе. Но ее дверца оказалась не заперта.

– Я думал, ты заперла дверь.

– Я заперла.

Оби охватила паника.

– Боже! – вскричал он.

– Что такое? – встревожилась Клара.

– Твои деньги!

– Где они? Где ты их оставил?

Он указал на бардачок – теперь пустой. Они молча смотрели на него. Оби открыл дверцу, вышел из салона, рассеянно осмотрел землю вокруг и прислонился к автомобилю. На улице никого не было. Клара открыла свою дверцу и тоже вышла. Обогнув машину, она взяла Оби за руку и сказала:

– Поехали.

Его трясло.

– Поехали, Оби, – повторила Клара и открыла ему дверцу.

Глава 12

После Рождества Оби получил письмо от отца, в котором тот сообщал, что мать опять больна, находится в госпитале, и спрашивал, когда он приедет в домашний отпуск, как обещал. Отец надеялся, что это произойдет скоро, поскольку ему нужно обсудить с сыном один очень важный вопрос.

Было ясно, что до них дошли вести про Клару. Несколько месяцев назад Оби написал родителям, что познакомился с девушкой, которая ему небезразлична, пообещав рассказать о ней подробнее, когда приедет домой в двухнедельный домашний отпуск. Он не стал писать, что она *осу*. Такое не пи-

шут. Это нужно тонко подать во время разговора. Но теперь выяснилось, что кто-то уже все растрепал.

Аккуратно сложив письмо, Оби убрал его в карман рубашки, стараясь больше не думать о нем, в особенности о болезни матери. Он попытался сосредоточиться на папке, которую читал, но каждую строчку приходилось перечитывать по пять раз, и даже тогда он не понимал смысла прочитанного. Оби потянулся к телефону, чтобы позвонить Кларе в больницу, но, когда телефонистка сказала: «Пожалуйста, назовите номер», – повесил трубку. Мэри все печатала и печатала. Перед совещанием комиссии у нее было много работы. Мисс Томлинсон была опытная машинистка и, когда печатала, удары по клавишам сливались в сплошной шум.

Порой мистер Грин присылал за ней, чтобы что-то надиктовать, а иногда являлся лично. Все зависело от его настроения. Сейчас он пришел сам.

– Пожалуйста, напечатайте поскорее ответ. Уважаемый сэр, относительно вашего письма от... какая там была дата... имею честь информировать вас, что правительственные стипендии для родственников правительство выдает законным женам, а не сожительницам. Прочитаете?

Мэри стала читать, а мистер Грин ходил взад-вперед.

– Замените «правительственные» на «свои», – велел он.

Мэри перепечатала и подняла голову.

– Все. «Ваш преданный слуга», я.

Мистер Грин всегда так заканчивал письма, выговаривая

«преданный слуга», презрительно засунув язык за щеку. Он повернулся к Оби:

– Знаете, Оконкво, я живу в вашей стране уже пятнадцать лет и все никак не могу понять образ мыслей так называемого образованного нигерийца. Вот, например, этого молодого человека из университетского колледжа, который ожидает, что правительство не только будет платить за него взносы и фантастические стипендии, а в конце обучения найдет ему легкую, удобную работу, но еще профинансирует и его девушку. Просто непостижимо. Полагаю, правительство совершает ужасную ошибку, таким образом облегчая подобным людям получение так называемого университетского образования. Образование для чего? Чтобы выжать как можно больше для себя и своих семей. Ни малейшего интереса к миллионам соотечественников, которые каждый день умирают от голода и болезней.

Оби издал нечто нечленораздельное.

– Разумеется, я не жду, что вы со мной согласитесь. – И мистер Грин исчез.

Оби позвонил Кристоферу и договорился поехать вечером поиграть в теннис с двумя новыми учительницами из римско-католического монастыря в Апапе. Он так и не понял, где Кристофер их откопал. Только недели две назад Кристофер попросил его заехать к нему и познакомил с двумя молодыми ирландками, которых очень интересовала Нигерия. Когда около шести часов Оби приехал, Кристофер

уже учил их танцевать хайлайф – по очереди. При появлении друга он испытал заметное облегчение, тут же прикарманив более симпатичную девушку, а другую предоставив Оби. Она была ничего, если бы только постоянно не улыбалась. Однако, к несчастью, девушка улыбалась довольно часто. Но так она была вполне, а скоро вообще стемнело и стало ничего не видно.

Ирландок действительно интересовала Нигерия. Они уже знали несколько слов племени йоруба, хотя приехали в страну всего недели три назад. Они были даже больше антианглийски настроены, чем Оби, отчего он испытывал некоторую неловкость. Но время шло, и девушки начинали нравиться ему все сильнее, особенно та, что Кристофер предназначил ему.

На ужин пожарили подорожник с овощами и мясом. Девушки заявили, что им очень понравилось, хотя по тому, как у них текло из носа и из глаз, было ясно, что блюдо переперчено.

Потом опять начали танцевать, в полумраке, молча, только время от времени кто-нибудь подшучивал:

– Эй вы, чего притихли?

Или:

– Двигайтесь! Не торчите, как приклеенные, на одном месте!

Оби сумел сорвать пару пробных поцелуев. Но когда он предпринял более смелые попытки, Нора резко прошептала:

– Нет! Католикам такие поцелуи не разрешаются.

– Почему?

– Это грех.

– Как странно.

Они продолжили танцевать, время от времени целуясь лишь одними губами.

Перед тем как в одиннадцать часов отвезти их домой, Оби и Кристофер пообещали по вечерам играть с ними в теннис. Они и сходили два раза, а потом на что-то отвлеклись. Оби вспомнил об ирландках, поскольку ему захотелось чего-то вроде игры в теннис, что заняло бы голову вечером и, пожалуй, вымотало настолько, чтобы ночью он уснул.

Как только к монастырской часовне подъехала машина Кристофера, у входа неожиданно возникла монахиня в белом облачении. Оби кивнул на нее Кристоферу. Монахиня стояла слишком далеко, выражение лица было не различить, но он почувствовал, что оно враждебное. Девочки делали домашнее задание, и в монастыре царила тишина. Оби и Кристофер поднялись по лестнице, которая вела в квартиру Норы и Пэт над классной комнатой; монахиня следила за ними, пока они не исчезли в гостиной.

Девушки пили чай с булочками. Они, в общем, обрадовались посетителям, хотя и не так, как обычно, несколько смущенно.

– Выпейте чаю, – предложили они одновременно, прежде чем гости сели, будто репетировали фразу.

Чай пили почти молча. Оби и Кристофер оделись для игры в теннис и взяли с собой ракетки, однако девушки ни слова не сказали про игру. Выпив чаю, они продолжали сидеть, усиленно стараясь поддерживать завязавшийся разговор.

– Как насчет поиграть? – спросил Кристофер, когда беседа наконец иссякла.

Повисла пауза. Затем Нора просто, без фальшивых извинений объяснила, что настоятельница имела с ними серьезный разговор о дружбе с африканцами и предупредила, что, если об этом узнает епископ, их могут быстро отправить обратно в Ирландию.

Пэт сказала, что все это глупо и смешно. Точнее, она произнесла «смехоподобно», отчего Оби про себя улыбнулся.

– А мы не хотим, чтобы нас отправили в Ирландию.

Нора пообещала изредка навещать молодых людей в Айкойи. Но в монастырь им лучше не приезжать, потому что мать-настоятельница и сестры неусыпно бдят.

– А вы, кстати, кто? Дочери? – спросил Кристофер.

Но шутка была встречена без особого энтузиазма, и вскоре визит завершился.

– Вот видишь, – сказал Кристофер, когда они опять сели в машину. – И они еще называют себя миссионерами.

– А чего ты ожидал от бедных девушек?

– Я вообще о них не думал. Я говорю о матери-настоятельнице, сестрах, отцах и детях.

Оби очутился в непривычной для себя роли защитника

католиков.

По пути домой они заскочили к самой последней девушке Кристофера, Флоренс. Он так увлекся, что даже поговаривал о женитьбе. Но это было невозможно, поскольку в сентябре Флоренс уезжала в Англию учиться на медсестру. Ее не оказалось дома, и Кристофер оставил ей записку.

– Я давно не видел Биси, – сказал он.

И они поехали к Биси. Но ее тоже не оказалось дома.

– День визитов, нечего сказать! – воскликнул Оби. – Давай-ка лучше домой.

Всю дорогу Кристофер говорил о Флоренс. Может, ему попытаться отговорить ее ехать в Англию?

– Я бы на твоём месте этого не делал, – покачал головой Оби.

И он рассказал ему об учителе Закона Божьего, которого знал много-много лет назад, в детстве. Его жена была близкой подругой матери Оби и часто заходила к ним в гости. Однажды Оби подслушал, как она рассказала матери о том, что ее образование закончилось в первом классе, потому что мужу невтерпеж было жениться. Она говорила с сильным раздражением, хотя прошло не меньше двадцати лет. Оби прекрасно запомнил тот визит, потому что была суббота. На следующее утро учитель не смог принять участие в службе, поскольку его жена проломила себе голову деревянным пестиком для ямса. В этой безвыходной ситуации службу попросили провести отца Оби, который к тому времени уже вышел

на пенсию.

– Все эти разговоры про Англию напомнили мне о девушке, которая практически предложила мне себя. Я тебе рассказывал?

– Нет.

И Оби поведал Кристоферу про мисс Марк, начав с визита к нему на работу ее брата.

– И что же с ней, в конце концов, случилось?

– О, она в Англии. Спокойно получила стипендию.

– Ты самая большая задница в Нигерии! – воскликнул Кристофер, и между ними завязался долгий спор о природе взяточничества.

– Если девушка предлагает с ней переспать, это не взятка, – утверждал Кристофер.

– Не пори чепухи, – возразил Оби. – Ты хочешь сказать, что правда не видишь ничего дурного в том, чтобы воспользоваться молодой девушкой прямо со школьной скамьи, которая хочет учиться в университете?

– Как ты сентиментален! Если девушка вот так приходит, то она вовсе не невинное дитя. Помнишь историю про девочку, которой дали заполнить анкету? Она вписала свое имя, возраст, а дойдя до графы «пол», вывела: «Два раза в неделю».

Оби не мог не рассмеяться.

– Не воображай, будто такие девушки ангелы, – усмехнулся Кристофер.

– Я и не воображал ничего такого. Однако возмутительно, что человек с твоим образованием не видит дурного в том, чтобы переспать с девушкой перед собеседованием.

– Но она же попала на собеседование. И от тебя ждала только одного – чтобы у нее была возможность туда попасть. Откуда ты знаешь, может, она переспала с членами комиссии?

– Не исключено.

– Тогда что же хорошего ты ей сделал?

– Немного, признаю, – ответил Оби, пытаясь навести порядок в мыслях. – Но, может, она запомнит, что нашелся, по крайней мере, один человек, который не воспользовался ее положением.

– Наверно, она решила, что ты импотент.

Повисла короткая пауза.

– Ладно, скажи мне, Кристофер, что для тебя взяточничество?

– Ну, как сказать... Использование неподобающего влияния.

– Хорошо. Мне кажется...

– Только штука в том, что тут вообще не было никакого влияния. Девушка в любом случае попала на собеседование. Она добровольно пришла, чтобы приятно провести время. Не понимаю, где тут взятка.

– А я так понимаю, что ты, конечно, не всерьез.

– Я говорю на полном серьезе.

– Странно, что ты не видишь, ведь этот аргумент можно использовать и для того, чтобы брать деньги. Если соискатель в любом случае получает работу, что плохого в том, чтобы взять у него деньги?

– Ну...

– Что «ну»?

– Разница вот в чем. – Кристофер помолчал. – Никто не хочет делиться своими деньгами. Если ты берешь у человека деньги, то делаешь его беднее. Но ложиться в постель с девушкой, которая тебя об этом просит, – не понимаю, что в этом плохого.

Они проспорили весь ужин и до поздней ночи. Но как только Кристофер попрощался, мысли Оби вернулись к письму, которое он получил от отца.

Глава 13

Оби предоставили две недели домашнего отпуска – с десятого по двадцать четвертое февраля. Он решил выехать в Умуофию ранним утром одиннадцатого и заночевать в Беннине, чтобы на следующий день попасть домой. Клара поменялась сменой с коллегой, чтобы помочь ему со сборами. Она провела целый день и всю ночь в квартире Оби.

Когда они легли спать, Клара заявила, что ей нужно кое-что ему сказать, и расплакалась. Оби так и не привык к слезам, он сразу начинал нервничать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.